

ОЛЕГ ШОВКУНЕНКО

ОРУЖЕЙНИК

211

ПРИГОВОР СУДЬИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Шовкуненко

Оружейник. Книга

четвертая. Приговор судьи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48723432

SelfPub; 2019

Аннотация

Группа полковника Ветрова оказалась на пороге чужого непознанного мира. Никто из людей никогда не переступал его границы. Но все когда-нибудь случается впервые. У Ветрова нет другой дороги. Именно там скрываются истинные враги человечества. Кто они? Как смогли ускользнуть от всевидящего ока Создателей и нанести им подлый удар в спину? Существует ли на самом деле заветный инопланетный модуль или это уловка, с помощью которой Главный вынуждает отряд избранных следовать его неведомому плану? Ответы на эти вопросы могут стать как спасением для цивилизации людей, так и ее смертным приговором. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	45
Глава 4	59
Глава 5	79
Глава 6	94
Глава 7	113
Глава 8	130
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Глава 1

Надежно уцепившись за станок крупнокалиберного «Утеса», я сидел у распахнутой вертолетной двери и наблюдал, как далеко внизу проплывает черная выжженная равнина. Вертушка шла на высоте тысячи метров, поэтому особых деталей разглядеть не удавалось. Хотя, скорее всего, там их попросту не было. Какие, к дьяволу, детали могут уцелеть в тех местах, где хорошенько «погуляли» неистовые волны высокотемпературной плазмы?

Сейчас на Земле полным-полно всяких странных, непонятных мест, и я даже себе представить не могу, что именно там произошло, что изменило их, превратив в настоящие зоны смерти, ловушки для каждого, неважно зверя или человека, оказавшегося в тех краях. Однако все это совершенно не относилось к тому району на севере Калужской области, над которым сейчас мчался наш старенький Ми-8. О произошедших здесь событиях я, полковник бронетанковых войск Максим Григорьевич Ветров, знал вовсе не понаслышке.

Пирамиды ханхов появились в этих краях спустя месяц после первого контакта человечества с пришельцами. Они выстроились в идеально ровную цепочку длиной более чем в триста километров, протянувшуюся от Тулы до Ржева. Этот отливающий темным золотом рукотворный горный хребет стал настоящей глухой стеной, отгородивший центр страны

от ее юго-западных областей. В окрестностях пирамид бесследно исчезал весь автотранспорт. Железнодорожные пути оказались начисто расплавленными. Что же касается авиации, то при попытке прорваться в изолированную зону она неизменно попадала под плотный огонь каких-то невидимых лучей, от которых крылатые машины вспыхивали и разваливались на куски. Одновременно с этим через спутник то и дело прорывались обрывки сообщений из Орловской, Брянской и Смоленской областей. Жуткие сообщения, большую часть которых составляли мольбы о помощи. Судя по ним, народ там вымирал целыми деревнями, поселками и городами.

Все это окончательно убедило руководство страны в самых недобрых намерениях непрошенных гостей. Попытки установить с ними контакт, мирным путем урегулировать инциденты, разрешить конфликты были прекращены. В дело вступала армия, причем вступала, так сказать, по самой полной программе.

Моя четвертая отдельная Кантемировская бригада как всегда оказалась на острие атаки. При поддержке авиации мы должны были нанести удар на участке Ильинское-Пирогово, вывести из строя одну из крупнейших пирамид, уничтожить инфраструктуру, которую по данным разведки пришельцы начали возводить в этом районе. Вот таким был приказ, но, как тогда любили говаривать, генштаб предполагает, а ханх располагает. Именно так все и вышло.

Еще до выхода на позицию нас атаковали модули охраны. Эти относительно небольшие, размером где-то с легковушку, автоматические дисколеты сыпали убийственными тепловыми лучами, от которых на броне вспыхивала краска, взрывались топливные баки и боекомплекты. А о том, что происходило с людьми, лучше даже не вспоминать.

Но как ни опасны, ни смертоносны были эти машины, с ними мы кое-как могли бороться. В каждом танке имелось по зенитному «Корду» и по «Игле». Кроме того, нас прикрывал бригадный зенитный ракетно-артиллерийский дивизион. Шесть «Тунгусок» это все-таки немалая сила. Одним словом, мы кое-как продержались до прилета истребителей. Потери составили около тридцати машин. Это целый батальон или треть всех танков бригады. Однако потери потерями, а приказ никто не отменял. Поэтому мы двинулись в атаку.

Форсировав небольшую речушку со смешным названием Лужа, мы оказались перед жутким буреломом, в который превратился лежащий за ней лесной массив. Пройти сквозь него техника не могла, а потому было принято решение разделиться. Главные силы бригады, включая наш последний довод – восемнадцать 152-миллиметровых самоходных гаубиц «Мста-С» с ядерными боеприпасами мощностью по килотонне каждый, двинулись на юг вдоль сто первого шоссе. Мне же с двумя танковыми ротами предстоял обходной маневр с севера.

Наша цель – отливающая светлой бронзой гигантская пирамида ханхов уже тогда четко проступала на горизонте. Ее бомбили, нещадно осыпали ракетами. Конечно, с расстояния в десять километров оценить результативность этих атак не представлялось возможным, а сообщения, приходящие по радио, казались до идиотизма противоречивыми. Из них то следовало, что мы чуть ли не разнесли пирамиду в пух и прах, то, что даже ее не поцарапали. Одним словом, обходной маневр моей группы как раз и был вызван этой неразберихой. Комбриг решил подстраховаться, подготовить удар с фланга, который будет очень кстати, если все пойдет наперекосяк и лобовая атака захлебнется.

Мне и самому не очень нравилось все происходящее, а потому я погнал свою бронегруппу со всей возможной скоростью. Крюк получился длиннее, чем рассчитывалось, и обогнуть лесные завалы я смог только километров через девять около небольшой деревушки Брюхово. Хотя и там тоже рос лес, но просеки и грунтовки оказались вполне проходимыми. Так что всего через каких-то полчаса мы, наконец, вырвались на оперативный простор и развернулись в цепь для атаки.

Отсюда пирамида лежала как на ладони. Она находилась к северу от деревни Адуево, и до нее было менее четырех километров. Правда, тогда не только одна пирамида явилась нашему взгляду. Было еще кое-что, и эта штука именовалась смертью, которая во всю гуляла и резвилась на окрестных

полях.

Передовые машины нашей бригады горели и плавились, как воск на огне. Они так и не сумели подобраться к тому, что в донесениях разведки именовалось как инфраструктура ханхов. Похоже, по ним даже не применили оружие. Наши танки просто угодили в запретную зону, в которой действовали какие-то запредельные, не поддающиеся нашему пониманию силы. Скорее всего, их вызывали многочисленные голубые сферы, которыми была утыкана вся поверхность вокруг пирамид в радиусе километра. Наши парни попробовали их на прочность, но из этого ничего не вышло. Я не видел уничтоженных объектов, обломков светящегося голубого материала. Зато видел кое-что другое, странное, очень странное. Из дымящихся воронок, оставленных осколочно-фугасными снарядами, бил свет, яркий белый свет. Складывалось впечатление, что в недрах земли закопано огромное сияющее солнце. Наши парни нанесли удар и пробились к нему, правда, за этот поступок, за обладание этой тайной им пришлось заплатить самую высокую цену.

Но не только атакующий авангард угодил в переделку. Все остальные подразделения бригады тоже вели бой. Грохотали танковые орудия, резали густой, пропитанный гарью воздух строчки автоматических пушек БМП, а откуда-то из района Марютино метали огненные стрелы системы залпового огня.

Пирамида отвечала огромными голубыми молниями. Они наполняли все пространство вокруг гигантского меж-

звездного корабля. Они уничтожали абсолютное большинство снарядов и ракет, а между делом, как бы играючи, плавили наши боевые машины, которых становилось все меньше и меньше.

Вот тогда-то я и вступил в бой. С нашего направления пирамида оказалась защищена не так основательно, поэтому неожиданный залп из двадцати стволов получился весьма удачным. На гигантской, отливающей бронзой грани вспухла густая цепочка разрывов. Однако все что смогли 125миллиметровые снаряды танковых орудий, это отвлечь внимание ханхов, заставить их деконцентрировать энергию защитных полей. Хотя и это была маленькая победа. Количество летящих в нашу сторону смертоносных огненных змей сразу резко уменьшилось. Теперь мы могли подойти поближе и бить прицельней. Я прекрасно понимал, что эта победа на копейку, а поэтому стал требовать залпа самоходных артиллерийских установок.

Нанести ядерный удар, да еще по своей территории, для этого надо, как минимум, иметь яйца. Но генералы в своих штабах их, как видно, давно отсидели. Мое требование осталось без ответа. Вместо него поступил приказ обойти пирамиду с тыла. Идиотский приказ. Выполняя его, мы абсолютно ничего не выигрывали, а лишь бездарно тратили драгоценное время. Так и произошло. Лишь только мы развернулись для маневра, как в небе появились пока еще далекие, но быстро приближающиеся темные силуэты.

Боевые платформы шли с запада. Их было много, точно больше десятка. Я уже сталкивался с этими огромными машинами смерти, а потому прекрасно знал: для того чтобы покончить со всей нашей бригадой, вполне хватит и пары таких летучих дредноутов. А тут целая армада!

Передав сигнал тревоги, я стал уводить свою группу. К тому времени у меня оставалось пятнадцать машин. Никакой возможности сражаться с платформами, конечно же, не имелось. Так что уходить, спасать тех, кто все еще остался в живых – это был единственный разумный выход.

К вечеру того дня я вывел четыре танка к Малоярославцу, месту, где дислоцировались тыловые и ремонтные службы нашей бригады. Кроме нас больше никто туда не вернулся. Две с половиной тысячи человек безвозвратно сгинули, уже в который раз доказав нашу полную неспособность противостоять напастям под названием ханхи.

Это было ясно всем. Как говорится, плетью обуха не перешибешь. Но все же, по старинной русской традиции козла отпущения требовалось отыскать, и без приказа покинувший поле боя полковник Ветров на эту роль подходил как нельзя лучше. Именно для этого он и был вызван пред ясны очи генерала армии Терехова в его трехуровневый бункер невдалеке от города. Я прибыл туда вовремя, очень вовремя, ибо через четверть часа после того, как за мной закрылась толстая стальная дверь, жизнь на поверхности перестала существовать.

– Дядя Максим! – громкий мальчишеский голос пробился сквозь рокот двигателей и выдернул меня из сумрака тягостных воспоминаний.

– Чего тебе, Павел? – я повернул голову и поглядел на белобрысого пятнадцатилетнего парнишку в грязной войсковой разгрузке, который высунулся из-за двери пилотской кабины.

– Вас летчик зовет, – прокричал пацан и мотнул головой в сторону пилотов, которых я, конечно же, видеть не мог.

С благосклонного разрешения командира винтокрылой машины Пашка все время ошивался в пилотской кабине и добровольно исполнял роль связного между летчиками и нами, пассажирами. Правда, с этим делом он не особо напрягался. Вернее вообще не напрягался. За все время полета пацан лишь первый раз осчастливил нас своим присутствием.

– Что там? – я отстегнул прицепленный к страховочному ремню карабин и стал медленно отползать от двери. Что поделаешь, рожденный ползать летать не может, ну или не любит.

– Там туман, – выдохнул мальчишка, и в его голосе отчетливо, очень отчетливо послышался страх.

– Туман? – я, наконец, поднялся на ноги и глянул сперва на Пашку, а затем, проследив за его взглядом, и на Лизу.

Моя подруга сидела совсем рядом и своими большими карими глазами тоже смотрела на Павла. Как и я, она все еще

ничего не понимала, но, словно ощущая какую-то ментальную, генетическую связь с братом, сразу занервничала.

– Тот самый туман, – мальчишка не сводил глаз с сестры. – Как тогда, как дома, как тот, что забрал папу.

От этих слов я вздрогнул. Сразу вспомнилось Одинцово и наша первая встреча с бесстрашными юными разведчиками Лизой и Павлом Орловыми. Тогда они мне и поведали, что пришли из-под Харькова, что с родных мест их согнал странный серый туман, надвигавшийся с юга. Все, кто попадал в него, там и оставались. Не знал я лишь одного, что именно эта беспросветная серая мгла и отняла у ребятишек отца. Все это пронеслось в моей голове с быстротой молнии, а следом, будто запоздалый раскат грома, пришло недоумение, внутренний протест. Стоп! Где он, этот Харьков, и где мы? До Украины километров четыреста будет. Нет, не могла сюда эта дрянь так быстро доползти, никак не могла! Так что перепутал, обознался Пашка.

Об этом своем открытии я и сообщил пацану, а чтобы придать ему уверенности, подбодрить по-отцовски, похлопал по плечу. Только мальчишка нихрена не расслабился. Он пристально поглядел мне в глаза и очень серьезно произнес:

– Дядя Максим, его... туман этот долбанный не забудешь и ни с чем не перепутаешь.

Вот теперь пришла моя очередь ежиться, как от холода, и вопросительно коситься на Лизу. Когда же и та, подтверждая слова брата, кивнула, я пулей кинулся к вызывавшему меня

летчику.

Туман и впрямь оказался странным и весьма примечательным. Сквозь стекло пилотской кабины было прекрасно видно густое серое марево, отвесной стеной вздымающееся до самых облаков. Оно напоминало слоеный пирог, только отличие от какого-то там «Наполеона» состояло в том, что слои в нем находились в непрерывном движении. Они текли слева направо, причем все с разной скоростью.

– Вот это цирк-зоопарк... – протянул я подавленный видом серой громады.

– Что делать будем, товарищ полковник? – пилот вертолета Егор Сергеевич Летяев бросил на меня быстрый испытывающий взгляд. – Мне как-то внутри этой мясорубки соваться не хочется. Во-первых, ветер там, судя по всему, не слабый. Во-вторых, по приборам идти не смогу. Мертвые они у меня все.

– Где мы сейчас?

Сквозь остекление кабины я глянул на землю и попытался там хоть что-то разглядеть. Среди одинокой черной равнины глазу едва ли отыщется за что зацепиться. И все же... Мне показалось, что я вижу, кое-что вижу. Впереди по курсу земля была явно расчерчена на едва различимые квадраты.

– Медынь, – пилот указал на замеченную мной шахматку.

– Граница тумана проходит по юго-западной окарине города, – уточнил человек, занимавший второе кресло в пилотской кабине. Звали его Леший, ну или по-простому Ан-

дрей Кириллович Загребельный, мой старинный приятель и по совместительству подполковник ФСБ. В кресле второго пилота он очутился вовсе неспроста. Неожиданно выяснилось, что этот сукин сын и в летном деле кое-что волокет, особенно, что касается винтокрылых машин.

– Пашка тебе говорил? – обращаясь к Загребельному, я указал на серую пелену впереди по курсу.

– Говорил, – Андрюха кивнул. – Это я его за тобой послал.

– Давайте что-то решать, – потребовал Летяев. – А то я уже скорость сбросил. Практически на одном месте висим, по-дурному керосин палим.

– Приземляйся, Егор Сергеевич, другого выхода нет, – жестом римского патриция, приказывающего добить раненого гладиатора, я указал вниз.

Чего-то такого Летяев от меня и ожидал, поскольку согласно кивнул и стал переключать какие-то тумблеры на панели управления. Меж этим занятием он отыскал секунду-другую, чтобы глянуть на меня и предупредить:

– Вам, товарищ полковник, лучше сесть и пристегнуться. И всех там сзади предупредите. Сюрпризы могут быть, когда на снижение пойдем. Те же «мотыльки», к примеру, или еще какая гадость.

– Добро, сделаю, – я кивнул, развернулся и шагнул в пассажирский отсек.

Там на меня сразу же уставились пять пар глаз. Нет, пожалуй, четыре, поскольку Анатолий Нестеров только лишь

скользнул по мне взглядом и вновь тупо и отрешенно уставился в рифленый настил пола. Он все еще оставался в глубокой моральной коме, говорил невпопад, двигался очень неуверенно, глядел потухшими, невидящими глазами. Цирк-зоопарк, прямо не человек, а пришелец из другого мира, который не понимает, куда это его занесла нелегкая.

В отличие от Анатолия все остальные пассажиры вертолета прекрасно ориентировались в ситуации, а потому ждали от меня новостей.

– Ну как, Максим Григорьевич? Что решили?

Первым не выдержал седой бородатый старик в круглых, висящих на самом кончике носа очках. Одно стекло в них было треснуто, а к дужкам крепилась замусоленная бельевая резинка, которую младший научный сотрудник Физического Института имени Лебедева привязал на случай всяких форс-мажорных, но почему-то регулярно с нами происходящих ситуаций.

– Приземляемся, Даниил Ипатиевич, – прокричал я громко, чтобы слышали все.

– А потом? – голос подал сидевший рядом с пожилым ученым офицер в полной боевой экипировке, который ласково, словно котенка, поглаживал лежащий на коленях АКС-74 со сдвоенным, перетянутым синей изолентой рожком.

– А потом, Костя, видно будет.

Я попытался пожать плечами, но из-за неожиданного скачка винтокрылой машины этот жест не получился. Боль-

ше того, я едва не свалился на самую светлую голову нашей экспедиции, которой бесспорно являлся Даниил Ипатиевич Серебрянцев. Этим бы все и закончилось, не поддержи меня сильная рука спецназовца.

– Болтанка начинается, – заметил Костя Соколовский.

– Всем пристегнуться!

В знак благодарности я хлопнул капитана по плечу, кивнул Лизе, мол, со мной все в порядке, не волнуйся, и, цепляясь за низкий потолок, поспешил добраться до того места, где сидел Нестеров. Майор милиции не услышал моего приказа, а может, услышал, но не понял. Хотя сути дела это совершенно не меняло, суть заключалась в том, что об Анатолии должен был позаботиться именно я. Или не должен? И дело было даже не в том, что очень не хотелось превращаться в няньку для душевно больного, просто я помнил этого человека совершенно другим, сильным и нестигаемым. Он спас меня из плена кентавров, он голыми руками сражался с полудюжиной бандитов, он искромсал десяток огромных чудовищных упырей. Цирк-зоопарк, так какого же хрена сейчас...?

– Майор, пристегнуться! – я упал на сидение рядом с Анатолием. Недолго думая, схватил его за отворот милицейского бушлата, развернул лицом к себе и прямо в лицо прокричал: – Нестеров, это приказ! Пристегнуться, тебе го-во-рят...

Последнее слово своего грозного приказа я произнес очень тихо и, кажется, по слогам. Удивительно, что у меня

вообще это получилось. Ведь когда ты смотришь в такие глаза, слова застревают в глотке, и вместо них на свет рвется одно нечленораздельное бульканье. А еще хочется забиться под лавку, благо они в вертолете длинные, вдоль всего борта, и сидеть там, как мышка.

Глаза у Нестерова и впрямь были странными. Даже больше чем странными. Они казались нечеловеческими. Радужная оболочка стала очень темной и расширилась так, что почти закрыла белки. О том, остались ли в этих чернильно-черных, тускло поблескивающих каплях зрачки, приходилось лишь догадываться.

Очередной скачек винтокрылой машины хорошенько встряхнул меня и тем самым привел в чувства. Да и не только меня. Нестеров вроде тоже зашевелился:

– Я сейчас... Я сделаю... – он стал беспомощно шарить руками по рваной сидушке.

– Держи, – пришлось самолично отыскать привязные ремни и сунуть их в руки милиционера.

Кроме этих, неведомо как и почему изменившихся глаз, других метаморфоз я в Анатолии не заметил, ни во внешности, ни в поведении, а потому от души как-то сразу отлегло. Глаза это мелочь, глаза это еще ничего не значит. Может, перепад давления или еще что... Потом, глядишь, все и пройдет, нормализуется. Я ведь верю... неизвестно почему верю в этого гребанного старого мента.

За бортом вдруг неожиданно потемнело, резко потемне-

ло, и это сразу привлекло мое внимание. Что за новый цирк-зоопарк такой? Куда ж это мы опять вляпались?

В действительности все оказалось не так страшно. Просто наша вертушка уже заходила на посадку, и поток воздуха от винта поднял целый смерч мелкой черной пыли, которая устилала всю округу. В условиях пониженной гравитации это было очень легко, а вот осадить ее...

Словно прочитав мои мысли, Костя Соколовский отстегнул привязные ремни и метнулся к открытой наружной двери. Капитан задрал ствол «Утеса» и быстро втянул пулемет внутрь пассажирской кабины. После этого спецназовец ловко и сноровисто задвинул дверную панель.

– Спасибо, Костя! – Ипатич благодарно закивал своей седой головой.

– Без проблем, – капитан вернулся на свое место.

– А она герметичная? – Серебрянцев поинтересовался уже у всех присутствующих.

– По крайней мере пыль точно не пропустит, – обнадежил его капитан. – Я в Средней Азии песчаную бурю внутри такой же вертушки переживал. Так что в курсе вопроса.

За время этого в принципе короткого разговора вертолет резко снизился. Конечно, сквозь иллюминаторы ничего видно не было, но я чувствовал это каким-то внутренним чутьем. И еще я понимал: наш пилот тоже ничего не видит, а значит, посадка может оказаться весьма и весьма жесткой.

– Всем держаться! Крепко! – я успел выкрикнуть лишь

это, и тут же, буквально тут же последовал удар, хорошенько перетряхнувший все наши внутренности.

Когда гул двигателей уже заметно стих, открылась дверь пилотской кабины, и из нее показался взмыленный Загребельный.

– Фух, ну и посадочка была! – выдохнул он. – А ведь спокойно могли и гробануться, если бы не Сергеич.

– Почему мотыляло так? – я потер ушибленный локоть.

– Не предназначена наша машина для полета в таких условиях, – глубокомысленно протянул подполковник ФСБ.

Только Андрюха это произнес, как из кабины вышел пилот. Видок у Летяева был такой же, как и у Лешего: тяжелое дыхание, хмурое лицо, растрепанные, приклеившиеся к потному лбу волосы.

– Чёрти что, никогда не видел такого... – Сергеич вытер пот манжетой своей летной куртки. – Вдруг словно винт перестал нести, да еще и ветер в добавку. Говорил же, это не туман, а ураган прямо какой-то.

– Что-то не видать урагана, – я повернул голову и поглядел в иллюминатор, за которым медленно и плавно оседали клубы антрацитовый пыли.

– Я же говорю, не предназначена вертушка для таких перипетий, – Загребельный вернулся к своей мысли. – Тут уже все другое: гравитация, плотность воздуха, давление, да и еще бог знает что. – Словно ища поддержки своей гипотезы, Андрюха вопросительно поглядел на Серебрянцева, и тот

согласно кивнул.

– Он... – Лиза осеклась, а потом попробовала снова. – Главный предупреждал об этом.

– А мы, дурни, на вертушке попёрлись! – мне ничего не оставалось, как раскаянно покачать головой.

– Шли мы нормально, штатно, – не согласился Летяев, – пока не приблизились к этому... – летчик кивнул в сторону пилотской кабины, и сразу стало понятно, что именно в той стороне текли бесконечные реки зловещего серого тумана.

– Главный сказал, что переход будет походить на «зеркало», – задумчиво протянул Леший.

– ЭТО не похоже на «зеркало», – авторитетно заявил я.

– То-то и оно, что не похоже, – Андрюха тяжело вздохнул.

– Значит, надо исследовать это новое явление, – младший научный сотрудник Физического института имени Лебедева выступил со своим традиционным предложением.

– Дорогой Даниил Ипатиевич, – Леший очень невесело улыбнулся. – Вон они могут вам рассказать, что случилось с такими вот исследователями. – Андрюха указал на помрачневших, насупившихся брата и сестру Орловых.

После слов чекиста в пассажирском отсеке вертолета повисла напряженная, гнетущая тишина. Каждый понимал, что ситуация патовая. Стена этого странного тумана отделяла нас от главной цели экспедиции – белорусского города Могилева. И с этой преградой ничего не поделаешь, не развеешь, не обойдешь. Хотя, собственно говоря, почему не обой-

дешь? На этот вопрос, который я и поспешил озвучить, ответил Егор Летяев:

– Топлива у нас с гулькин нос, едва-едва до Белоруссии хватит. А если мы еще и кружить станем... – Летяев махнул рукой, отгоняя эту безумную мысль. – Тогда вообще можем оказаться с пустыми баками, да еще и в стороне от маршрута.

– Согласен, – подписался под словами пилота Леший. – Этому туману конца и края не видно. Попытаемся его обойти, и не в Белоруссии окажемся, а в Латвии, а то и в Эстонии.

Упоминание о Латвии всколыхнуло в моей памяти воспоминание о Крайчике, Нине, Горобце, Ковалеве и даже о гребанном придурке Кальцеве. Все они ушли искать счастья именно туда. Интересно нашли ли? Живы ли?

Пока я перебирал в памяти лица Одинцовцев, мой старый боевой товарищ взялся за свою работу, обычную работу обычного русского чекиста.

– Лиза, Павел, – Загребельный подошел к нашей молодой сталкерской смене и уселся напротив. – А ну, давайте, вспоминайте все, что знаете об этом тумане, все, что когда-нибудь видели и слышали.

– Мы только издалека его видели. Всего один раз, – призналась девушка. – Он очень быстро двигался, а потому находиться близко было опасно.

– Но туман был не такой плотный, это точно, – перебил сестру Пашка. – Ну а этот, хоть топором руби.

– Такс-с, понятно. Что еще? – Андрюха наморщил лоб,

пытаясь понять, дает ему что-либо эта информация или нет.

– Один мужик говорил, что видел в тумане что-то, – сообщил пацан. При этом он понизил голос, словно речь шла о какой-то страшной тайне.

– Это ты о том, что Тараканыч болтал? – Лиза испытывающе уставилась на брата.

– А чего вы ему не верили? – Пашка ошетинился невидимыми колючками, как разъяренный ежик. – Он божился, что своими глазами видел.

– Да Тараканыч неделями не просыхал! – не сдавалась девушка. – А спяну еще не такое привидится!

– Тараканыч, значит? – Леший наморщил лоб, пытаясь составить впечатление о персонаже из Пашкиного рассказа.

– Ну да, Тараканыч, – подтвердила Лиза. – Его сразу так все и прозвали. Такой весь из себя худой, маленький, и усы вечно торчком, прямо как у таракана. Говорили, что он где-то запасы спиртного откопал. Никому не говорил, только сам хлестал втихаря. – Сообщая об этом, девушка брезгливо скривилась, тем самым выражая свое отношение как к личности Тараканыча, так и к проблеме алкоголизма в целом.

– Значит, он что-то видел в тумане? – я вернул разговор к главному вопросу.

– Видел, – Пашка опередил сестру с ответом. – Он говорил, что светилось что-то в тумане. Вроде шара огромного, и он там летал.

– Внутри тумана? – уточнил капитан Соколовский.

– Ну да, внутри, – пацан кивнул. – Эта штука близко к краю не подходила, поэтому дядя Слава... – тут Пашка запынулся и поспешил уточнить: – Тараканыч, в смысле, ее не разглядел. Говорил только, что большая и красным мигала.

– Очень интересно, – Загребельный почесал затылок, – но вы нам лучше расскажите, как люди в тумане пропадали.

– Сперва разведчики и старатели из дальних рейдов возвращаться перестали. – Стала припоминать Лиза. – Потом пришла одна группа, сообщила, туман идет, скорее всего, ядовитый. Но никто особо беспокоиться не стал. Что мы ядовитых туманов никогда не видели? Рассеется ведь когда-нибудь. А пока все, кто на юг уходили, стали с собой противогазы брать.

– У бойцов из папиного отряда тоже были противогазы, – угрюмо сообщил Пашка.

– Да, были, – Лиза невидящим взглядом смотрела в пустоту перед собой. – Папа взял с собой двадцать человек и ушел в Ракитное. Там тоже маленькое поселение было. Они южнее нас располагались. Папа говорил, что этот туман особенный и не похож на все остальные. Поэтому людей из Ракитного надо вывести, и как можно скорее.

Тут Лиза замолчала, и все, даже те, кто никогда не слышал о майоре Орлове, поняли, чем закончился этот рейд. Молчал и я. Задумчиво уставившись в иллюминатор, пытался представить, каким был отец моих юных друзей. Нет, конечно же, не внешне. Откуда же я мог знать, как он выглядел? А

вот кое о чем другом, о том, что скрывалось в груди у этого человека, сказать мог. Большая благородная душа и храброе горячее сердце. Цирк-зоопарк, только такой человек мог поставить на кон свою жизнь в надежде выиграть, вернуть, спасти десятки чужих.

Я смотрел сквозь замызанное стекло, боясь повернуть голову и взглянуть на Лизу и Пашку. Если сейчас подорвусь с места и кинусь их утешать, все получится как-то уж очень мягкотело, по-бабски, не достойно звания бойца, которое все мы возложили на свои плечи. Меня, пожалуй, даже сама ребятня не поймет. Так что лучше дать Орловым еще мину-другую. Пусть возьмут себя в руки, окрепнут, вспомнят о том, ради чего мы оказались здесь.

– Пыль уже почти осела, – голос Лизы прозвучал в тишине очень громко. Он заставил опомниться, встрепетаться и осмыслить происходящее за бортом.

Большая часть открывшейся взгляду картинки по-прежнему оставалась черной. И причина здесь крылась вовсе не в пылевом облаке, поднятом лопастями Ми-8. Она просто сама по себе была черной. Черная, спекшаяся земля, черные холмы, черная линия горизонта.

– Что ж, пожалуй, теперь можно и оглядеться, – Леший потянулся за своим автоматом.

– Как далеко от границы тумана мы сели? – я нашел глазами Летяева.

– Где-то с километр, – тот ответил не раздумывая. – Но

если эта дрянь движется, то тогда...

– Тогда нам будет ближе идти, – с этими словами я решительно поднялся на ноги.

Глава 2

В разведку нас отправилось четверо. Состав группы предложил Леший и был он несколько необычен для такого рода экскурсий. Необычность состояла в том, что в компанию к нам с Андрюхой добавлялся Пашка, как живой свидетель уже разок сталкивавшийся с серым туманом и Серебрянцев, как человек способный взглянуть на проблему под довольно редким для нашей постапокалиптической эпохи, научным углом зрения.

Само собой с нами порывалась пойти и Лиза, но выслушав сперва категорическое «нет» от меня, а затем от Загребельного, она все же была вынуждена отступить. Именно своей подруге я и поручил заботу о Нестерове. Кому же еще, как ни ей, можно было доверить такое тонкое деликатное дело?

Покинув борт, мы тут же оказались в странном, достаточно жутковатом мире, как будто и не на Земле вовсе. Я сразу подумал, что изнутри машины он смотрелся совершенно по-другому. Вертолет приземлился в черте города. Медынь мне была хорошо знакома, проезжал десятки, если не сотни раз, но несмотря на это сейчас даже затруднялся сказать где нахожусь. Хотя... Медынь она ведь практически вся одноэтажная. Маленькие отдельно стоящие домишки, а между ними сплошные сады и огороды. Пожалуй, единственный крупный объект, это расположенная на юго-западной окраине зона,

в смысле тюрьма общего режима. Так вот если припомнить все это и хорошенько оглядеться по сторонам...

Вокруг того места где приземлилась вертушка распласталось превеликое множество черных с полметра в высоту бесформенных оплавленных куч. Выглядело это словно норы огромных кротов, которые вдруг выучили геометрию и решили построить свой город в соответствии с ее правилами и законами. Именно поэтому все кучи получились примерно одного размера и выстроились в ровные шеренги и колонны. Единственное, что нарушало это застывшее однообразие, была небольшая цепь черных курганов, расположившихся примерно за полкилометра. Эти мрачные громады четко проступали на фоне безостановочно и беззвучно вращавшихся жерновов серого тумана.

Тюрьма. Она и раньше-то не вызывала особо радостных и светлых чувств, ну а теперь... Теперь вообще казалось, что на горизонте маячат огромные зловещие печи в которых привычное, хорошо знакомое зло переплавилось в зло все-ленское, в первозданный, в первородный ужас. И теперь лучше его не трогать, лучше идти, нет, бежать в другую, диаметрально противоположную сторону. Что ж, неплохой вариант, правильный, только вот, увы, нам он, как всегда, не подходил.

– Ну что, двинули бродяги? – Леший шагнул в направлении угрюмых чернильно-черных нагромождений, чем тут же подтвердил справедливость моих мыслей.

– Да, пожалуй. Нечего тянуть. – Я повернулся к Лизе и уже привычным движением хотел притянуть ее к себе, чмокнуть в губы, но натолкнулся на встревоженный взгляд больших карих глаз. – Не волнуйся, близко к туману мы подходить не станем. И за Павлом приглядим, – я постарался ответить на все пока еще невысказанные просьбы моей подруги.

– Максим, мне страшно, – девушка тряслась как от холода. – Я что-то чувствую. Это словно взгляд, словно чье-то присутствие. От него у меня мурашки по всему телу.

Цирк-зоопарк, конечно же я знал, что предчувствие существует, верил в него. Но, правда, наряду с предчувствием на белом свете имелась еще и такая штука как извечные женские ахи и страхи. И вот тут возникал вопрос: как понять, как разобраться где первое, а где второе?

Откровенно говоря, сейчас я пробуксовывал в этом процессе, а потому стал искать ответ у всех окружающих. Высказывая свое отношение к теме, Серебрянцев бессильно развел руками, Пашка скривил страшную, полную издевки над сестрой рожу, а Соколовский с Лешим лишь по очереди пожали плечами. Всех их я прекрасно понял. Как можно говорить о чем-то подозрительном, когда вокруг подозрительно абсолютно все, когда совсем рядом находится нечто, неподвластное нашему пониманию.

Мысль о тумане активировала какой-то находящийся внутри меня таймер. Он противно запиликал, оповещая тем самым, что время не резиновое, и мы не можем торчать здесь

просто так, совершенно ничего не предпринимая. Почувствовав это, я начал действовать, и первым, может самым важным моим поступком стали объятия, в которые я заключил свою подругу. Я крепко прижал к себе девушку и прошептал ей на ухо:

– Успокойся, родная. Ничего с нами не случится. Это обычная разведка. Мы скоро, очень скоро вернемся.

После этого я крепко поцеловал Лизу, а когда попытался отнять ее от себя, то понял, что девушка держится мертвой хваткой.

– Ну что ты, глупышка, – будто пытаюсь согреть Лизу, я стал растирать ей плечи и спину.

– Давайте пойдем все вместе, – с надеждой в голосе пролепетала моя подруга.

– Сейчас нельзя, ты же сама прекрасно понимаешь. Куда же мы очертя-то голову... Сперва разведаем что там и к чему.

То ли мои слова, то ли моя ласка и забота подействовали, и девушка слегка расслабилась. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы суметь высвободиться. Сделал я это решительно, но негрубо. Лиза инстинктивно потянулась за мной, однако я глянул ей в глаза и запрещающее покачал головой.

Когда наша разведгруппа удалилась метров на пятьдесят, я обернулся и поглядел назад. Лиза и Соколовский продолжали стоять около вертолета. Оба они были неподвижны и молча глядели нам вслед, словно прощались. Цирк-зоопарк,

не люблю я этих сцен. От них потом на душе остается мерзкий осадок, отделаться от которого просто невозможно. И ты уже не думаешь о деле, а только лишь о том, как бы поскорее вернуться назад. Я припомнил это и сразу же попытался сделать так, чтобы на этот раз все оказалось по-другому. Дело, сейчас главное дело!

Первой частью нашего задания являлось как модно ближе подобраться к стене зловещего тумана. Вроде бы совсем нехитрая работа. Зверья на пепелище должно быть совсем немного. Что ему тут делать? Ни убежищ, ни пропитания, одна голая, глубоко пропекшаяся земля. Однако на Проклятых землях угрозой являлись не только лишь хищники, существовали еще и аномалии. Они наверняка никуда не подевались, они здесь, притаились, замаскировались и теперь ждут ротозеев, которые ловят гав и не смотрят себе под ноги.

– Первым иду я! – мой приказ вызвал вопросительные взгляды всех членов нашей небольшой разведгруппы.

– Что-то не так? – Леший нахмурился.

– Да тут все не так! – я рукой прочертил в воздухе широкую дугу, тем самым указывая на весь тот траурный пейзаж, что расстилался перед нами. – Не могу понять куда тут идти.

– Как куда? Туда! – Пашка ткнул пальцем в сторону черных гор, в которые трансформировались угрюмые тюремные корпуса.

– Туда, это понятно, – я кивнул. – Только вот не нравится мне эта дорога.

Произнося эти слова, я указал на довольно широкую, сравнительно ровную полосу земли, по обеим сторонам которой простирались все те же обугленные черные кучи, напоминающие о жилых домах Медыни. На ней лежал толстый слой пыли, очень похожий на черный снег. И вот по этому самому снегу тянулась целая цепочка едва приметных холмиков или сугробов. Их мог заметить пожалуй лишь тот, кто знал что искать. На счастье полковник Ветров знал.

– Похоже, «муравьиная тропа», – я указал на замеченное мною образование.

Загребельный наверняка слышал о такой аномалии первый раз в жизни, но не стал о ней расспрашивать. Подполковника больше волновало нечто иное:

– Это точно? Придется обходить?

– Точно? – я хмыкнул с горькой иронией. – Была бы здесь трава или на худой конец просто обычная земля, я бы знал точно, а так... По конфигурации вроде похоже.

– А почему «муравьиная тропа»? – Пашка опередил с вопросом старика-ученого.

– Огненных муравьев помнишь? – я огляделся в поисках какого-нибудь камня.

– Ага, помню, – пацан энергично закивал.

– Так вот эта штука похожа на них, разве что неживая. Отсюда и название.

Наконец на глаза попалась увесистая оплавленная камешка, и ее, кажется, можно было оторвать от спекшегося

черного наста. У меня действительно это получилось, и метательный снаряд был немедленно вручен здоровяку Лешему. Когда чекист размахнулся и отправил глыбу в ближайший к нам черный сугроб, я прикрыл ладонью глаза. Как выяснилось, правильно сделал. Вспышка получилась довольно яркая. Из пробитой камнем дыры вырвался метровый сноп огня, который завыл и заревел будто голодный разъяренный зверь. Пламя бесновалось с полминуты, после чего исчезло, спрятавшись в свою каменную нору.

– Не дай бог туда угодить, – Загребельный поежился.

– Я так понимаю, под землей газовый карман, – догадался Серебрянцев. – И этот газ реагирует с атмосферным воздухом, вызывая немедленное воспламенение.

– Правильно понимаете, Даниил Ипатиевич, – я похвалил старика. – И таких карманов впереди полным-полно.

– Значит, действительно придется обходить, – подытожил Андрюха и попытался свернуть с погибшей улицы погибшего города.

– Первым иду я!

Мне вновь пришлось напомнить основное правило пребывания в аномальной зоне. Леший подчинился, и правильно сделал, потому как не пройдя и сотни шагов, мы натолкнулись на зону «гейзеров». Счетчика Гейгера у нас, конечно же, не было, а потому легко и просто можно было угодить в потоки какого-то жесткого излучения, бьющего из недр мутирующей, обезумевшей от мук матери-земли. Так бы и про-

изошло, не заметь я издалека полторы дюжины крупных дыр с оплавленными, покрытыми характерным желтым налетом краями. Что ж, пришлось обходить и их.

Однако на этом сюрпризы не закончились. Дальше нас ждала встреча с какой-то странной разновидностью «сварки», которая натолкнулась на «ведьмин колодец» и безуспешно пыталась в него спрятаться. При этом «сварка» стала видимой. Теперь это было совсем не облако, попеременно посверкивающих искр, а густая паутина из свитых, спутанных и перепутанных тонких голубых молний. Она уже наполовину втиснулась в зыбучую гравитационную каверну. Но видеть аномалии оказались не совместимыми, и дальше этого дело не пошло. «Сварка» застряла в «колодце» и теперь не представляла ни малейшей угрозы, естественно для тех, у кого имелись глаза.

У нас глаза имелись и даже одни очки. И вот именно обладатель этих самых очков сделал одно очень точное наблюдение:

– Товарищи, а вам не кажется, что плотность аномалий здесь просто невероятная? Чуть ли не одна на другой!

– Кажется, – согласился я. – Никогда такого не встречал.

– И это означает, что мы приближаемся, – продолжил свою мысль младший научный сотрудник.

– Приближаемся к чему? – переспросил Пашка, хотя вполне мог догадаться и сам, на что именно намекает Ипатич. Пацан не сделал этого, лишь потому, что следил за раз-

говором лишь краем уха. Основное внимание пятнадцатилетнего путешественника было приковано к грозному, диковинному, по большей части неведомому миру, в котором мы очутились.

– Может к этому, – я ткнул стволом автомата в сторону серой стены, до которой уже оставалось не более полукилометра. – А может к тому, что скрывается за ним?

– А ведь он стоит, – произнес Загребельный, который уже давно приглядывался к плотной серой стене на юго-западе. – Туман не движется. А, Максим, как по-твоему?

– Может ты и прав, – протянул я. Ответить более уверенно мне мешала ответственность за правильный или неправильный выбор. Ведь впереди находился не просто обычный туман, впереди находилось нечто, способное легко и просто отобрать наши жизни.

– Слишком большой фронт, – засомневался Серебрянцев. – Плюс постоянное движение воздушных масс. Мы можем неправильно оценить масштабы всего происходящего, в том числе и скорость воздушных потоков.

– Да не движется он! Точно не движется! – в разговор вмешался Пашка. – Когда туман ползет, это сразу заметно. Я знаю, я видел!

Жар и напор, с которыми пацан отстаивал свое мнение не мог не подействовать, да и Леший, судя по всему, был согласен с Пашкой. Так что, не смотря на все кусающие словно блохи сомнения и подозрения, я все же решился:

– Эх, была не была, подойдем еще чуток.

Для себя самого я решил, что это будет еще метров двести. Может дальше приближаться не понадобится, может и с такого расстояния мы поймем из чего именно состоит этот туман. Или это вообще никакой не туман? На секунду мне подумалось, почудилось, что я знаю ответ на этот вопрос и стоит лишь сосредоточиться... Но нет, ничего не получилось. Цирк-зоопарк, как же тут сосредоточишься, когда рядом, совсем рядом гуляет смерть.

Сейчас я имел в виду не только стену серого тумана, а и две крупные воздушные воронки, которые, поднимая и закручивая шлейфы антрацитовый пыли, проползали невдалеке. Это были вообще не обычные смерчи, а самые настоящие аномалии. Я понял это, когда одна из воронок зацепила гребень черной оплавленной кучи, оставшейся от какого-то здания. Камень в этом месте вдруг вспыхнул огненно-красным светом и потек ручейком расплавленной лавы.

Проводив взглядом эту горячую парочку, я мысленно поблагодарил богов Проклятых земель за то, что они отправили ее куда-то на север, а совсем не в сторону нашего Ми-8. Не скажу, что после этого мне стало намного спокойней, но все же резонов идти вперед теперь было гораздо больше, чем бросаться на помощь нашим друзьям, оставшимся у винтокрылой машины. Именно поэтому уже через мгновение я собрался с духом и первым шагнул навстречу исполинскому серому чудовищу, уже поглотившему половину мира.

Говорят, что у страха глаза велики. Обычно к полковнику Ветрову эта поговорка не относилась, однако сейчас взглянув на вздымающуюся до самых облаков стену хищного смертоносного тумана, у него неприятно екнуло сердце. Вдруг показалось, что туман изменился, ожил. Эта мутная серая субстанция словно почувствовала наше присутствие, наше приближение. Текущие внутри него потоки неожиданно забурлили, заволновались, потемнели как грозовые тучи. И еще мне показалось, что серая стена стала наклоняться, отрачивать гигантский массивный козырек, который будто занесенная для удара дубина стал нависать над самыми нашими головами. Хотя, может это мне только померещилось. И не было никакой дубины. Просто ее роль с успехом играли низкие серые облака, обычные облака, обычного погибающего мира.

Чтобы подобраться поближе к границе тумана нашей группе пришлось изрядно попетлять меж аномалий. Этот извилистый маршрут завел нас совсем не в ту сторону, куда мы направлялись с самого начала. Получилось, что мы обогнули руины тюрьмы и теперь оказались как бы меж молотом и наковальней. Первым являлся все тот же серый туман, а второй черные горы оплавленного бетона и кирпича на месте тюремных корпусов. Находиться здесь было не очень-то и приятно. Ведь если туман двинется, поползет в нашу сторону...

На счастье серая стена оставалась абсолютно неподвиж-

ной. С расстояния в две сотни шагов данный факт был виден совершенно отчетливо. Мы радовались этому и одновременно недоумевали. И причина тому имелаась. По улицам сожженной дотла Медыни гулял отвратный пропитанный горьким запахом преисподни ветер. Его неожиданные порывы то и дело поднимали облачка черной пыли и отправляли их на смерть в горнила какой-нибудь аномалии. Так вот, именно этот ветер не оказывал на туман ни малейшего воздействия. Плотная серая взвесь ни то что не рассеивалась, она даже не двигалась с места.

– Этот туман что-то стабилизирует, искусственно стабилизирует, – протянул Серебрянцев, внимательно разглядывая пелену впереди. Подсевшее по причине возраста зрение вовсе не помогало в этом, отчего старик морщил лоб и досадливо тряс головой.

– Вполне возможен и другой вариант, – предположил я. – Частицы из которых состоит облако вырабатываются постоянно, причем гораздо быстрее, чем их разносит ветер или осаждает притяжение Земли.

– Все едино, хрен редьки не слаще, – невесело заметил Загребельный.

– Нет уж, уважаемый Андрей Кириллович, вовсе не едино! – возмутился пожилой ученый. – Гипотеза товарища полковника кардинально отличается от моей, а потому...

– Я говорю надо искать причину, – Леший перебил младшего научного сотрудника. – А то, о чем вы оба только что

рассуждали, это всего лишь следствие.

– И где же искать эту самую причину? – мне ничего не оставалось, как тяжело вздохнуть.

– Там, – мой приятель без колебаний указал на бурлящие, будто горные реки, потоки темно-серого тумана.

– Там... – я совсем не весело хмыкнул. – Да мы и так по-добрались практически к самой черте.

– Но это нам ничего не дало, – высказал свое мнение Се-ребрянцев. – Значит надо подойти еще ближе.

– Я согласен идти, – с жаром поддержал его пятнадцати-летний герой.

Глянув на старика и мальчишку, я сокрушенно покачал головой. Вот цирк-зоопарк, два сапога – пара. Один уже ни-чего не боится, другой – еще. В итоге результат получается один и тот же: страстное желание поскорей сунуть голову в петлю и проверить, на какой вес рассчитана веревка. Черта с два! Вот чего-чего, а я себе такой «роскоши» позволить не могу. На мне лежит ответственность, гигантская ответствен-ность.

– Там люди пропадали, если кто забыл, – мне пришлось стимулировать кое-чей инстинкт самосохранения.

– Все это конечно так, только стоя здесь, ответа мы не най-дем, – подписался под словами моих оппонентов Леший.

– Значит трое против одного, – я пробежался взглядом по лицам своих товарищей.

– Максим, у нас только одна дорога – на юго-запад, к Мо-

гилеву, — напомнил Загребельный.

Черт побери, хороший аргумент... железный, и ответить на него можно было лишь одним:

— Первым иду я. — Не дожидаясь реакции моей разведгруппы, я повернул голову и стал внимательно изучать пространство, отделявшее нас от границы тумана.

Сейчас мы уже находились за пределами города. Здесь не было оплывших от температуры строений и растекшихся, словно реки в половодье, асфальтовых дорог. Здесь была лишь голая, прокаленная на несколько метров земля, по которой словно грубый порез с рваными краями змеилось русло Медынки. Сама высохшая река, как и ее берега, представляли собой наибольшую опасность, ведь именно в котлованах, ямах и оврагах чаще всего и таилась «наждачка». С виду она походила на обычную грязь или маслянистое пятно. Вроде бы ничего опасного. Но только попади туда... сотрет, а может разъест, к чертовой матери! Видел однажды, как в совсем небольшую «наждачку» угодила пятиметровая многоногая змея. Так вот, за считанные секунды аномалия укоротила ее ровно наполовину.

Именно поэтому я решил держаться от реки подальше и двинуть на северо-запад. Хотя там имелись некоторые признаки «ведьминых колодцев», но эти аномалии не смертельные. Даже если кто и нарвется... трое других вполне смогут вытянуть.

Я так и шел, уткнув взгляд в спекшуюся землю, горбясь

и сутулясь от незримого давления серой громады, которое росло с каждым шагом. Глазами я выискивал аномалии, но думал только лишь о тумане. Какой сюрприз он преподнесет, какой фортель выкинет, когда мы окажемся совсем рядом? И главное, во что нам обойдется обладание его тайной? Не удивительно, что погруженный в эти мысли, я вздрогнул, когда за спиной прозвучал негромкий возглас Лешего:

– А ведь снизу он какой-то красноватый.

– Кто красноватый? – я резко обернулся к приятелю.

– Туман красноватый, – Андрюха снял руку с цевья автомата и указал на кипящий впереди серый океан.

До границы тумана уже оставалось метров сто, не более. С такого расстояния действительно стало заметно, что его нижняя кромка, та, что касалась черной обожженной земли, имела слегка розоватый оттенок, более интенсивный внизу и расплывчатый, растворяющийся в бурлящей серой массе сверху.

– Там земля расплавлена. Как в вулкане, – сдавленным голосом предположил Пашка. – А то, что мы видим, это дым.

– Дым? – Загребельный призадумался. – Не похоже это на дым.

– Как самочувствие? – я быстро оглядел своих людей. – Никто, ничего не ощущает? Странного, необычного, болезненного?

Мои товарищи переглянулись. Ипатич пожал плечами, Леший отрицательно покачал головой и только Пашка при-

знался:

– Уши заложило. Так бывает, когда на самолете летишь.

– Есть чуток, – Загребельный вяло кивнул, тем самым подтверждая, что перепад давления и вправду имеет место, только он уж очень незначительный.

– Это все? – я и сам стал чувствовать легкую глухоту.

– Все, – пацан кивнул.

– Ладно, тогда идем дальше. Только осторожно!

Мы были вынуждены рисковать, так как все еще ничего не выяснили, не разведали. Даже наоборот, загадок стало еще больше.

Шагов через пятьдесят стало заметно, что светится совсем не поверхность земли. Красноватое свечение распространяла гирлянда каких-то темных образований разбросанных по границе тумана. На вершине каждого из них располагался странный источник света, который испускал целый веер тонких, похожих на лазеры, лучей. Именно благодаря этой подсветке мы и разглядели еще кое-что. Туман на самом деле вовсе не являлся таковым, то есть туманом в привычном понимании этого слова. Он состоял из крупных хлопьев, которые неслись в нем словно снег в хорошую сибирскую метель.

– Пепел! – меня будто током ударило.

– Думаешь? – Загребельный стал приглядываться.

– Уверен.

– Выброс пепла это ведь неизменный атрибут перехода в другое пространство, – даже в такой почти экстремальной

ситуации мозг чекиста работал четко и безотказно, ну прямо как автомат Калашникова. – Вспомни, Макс: случай с тем кентавром, которого ты препарировал в Одинцово, место откуда исчезли кашалоты, наконец, туннель, открывшийся в мастерской Рынка. Там везде сыпался этот гребаный пепел.

– Так это и есть «зеркало»? – мой взгляд переметнулся с Лешего на Серебрянцева. ФСБ сделало свое дело, теперь слово было за наукой.

– Объект без сомнения искусственный и работает явно не так, как «зеркало»... По крайней мере, не так как то «зеркало», что мы повстречали в Наро-Фоминске.

Ипатич стянул с носа свои запыленные очки и стал в спешке их протирать полой куртки. Он очень торопился, он не желал ничего пропустить, он спешил, словно серая стена могла вдруг исчезнуть, так и не позволив себя исследовать.

– Откуда известно, что не так? – я силился понять логику ученого.

– Люди оттуда не возвращались, Максим Григорьевич, понимаете? А «зеркало»... Оно ведь, как я понял, само по себе безопасно и выйти из него рано или поздно все равно можно. – Объясняя, старик покачал головой. То ли он горевал о пропавших без вести, то ли осуждал меня за тугоумее.

– Опять же, мы не можем сказать точно, что тот туман под Харьковом и этот... – Андрюха кивнул в сторону бушевавшей невдалеке от нас серой выюги. – Короче, что они одно и то же. Хотя очевидцы и утверждают, что внешнее сход-

ство имеется... – Леший мельком указал на этого самого белобрысого очевидца с «укоротом» в руках, а затем продолжил: – Но ведь ведет туман себя совершенно по-разному.

– Мне кажется, что я бы смог все объяснить, – Ипатич, наконец, вернул очки себе на нос и сквозь них гордо взглянул на нас с Загребельным.

– Даниил Ипатиевич, мы слушаем. Внимательно слушаем, – я немедленно потребовал объяснений.

– Следует всего лишь сравнить, – просто ответил ученый. – По словам Павла туман под Харьковом быстро двигался, внутри него перемещался объект или объекты, испускавшие интенсивное красное свечение. Сейчас мы наблюдаем стоящий на месте туман и такие же неподвижные, светящиеся красным устройства. Параллели здесь напрашиваются сами собой.

– Вы предполагаете, что эти фонари... они и создают провал в пространстве?

Меня, как закоренелого технаря заинтересовала чисто техническая сторона вопроса, ну а вот Леший... Подполковник ФСБ узрел в словах ученого нечто совершенно иное:

– Кто-то создает два вида порталов. Одни сравнительно небольшие подвижные, другие гораздо более крупные, стационарные. Возникает вопрос: для чего это все нужно? – Загребельный призадумался, болезненно скривился и попытался сам ответить на свой вопрос: – Первое, что лично мне приходит в голову, так это ловушки.

– Ловушки? – переспросил Серебрянцев. – Кто-то защищает зоны, откуда стартует терраформация?

– А для чего нужны подвижные порталы? – со страхом и одновременно с надеждой в голосе спросил Пашка. Сейчас даже дураку стало бы понятно, что мальчишка думает о своем отце, о участи которая его постигла.

– Подвижные... – Загребельный еще больше потемнел лицом. – Понимаешь, Павлуша, ловушки, их ведь ставят не только для защиты. Бывают ловушки и для охоты.

Слова Лешего, хоть и были произнесены очень негромко, но все же возымели свое действие. Черное действие. Владыка зла будто подслушал их, понял, что люди проникли в его сокровенную тайну и яростно взревел от гнева. Правда, рев этот больше походил на раскат грома или взрыв, прозвучавший где-то за нашими спинами.

Крутанувшись на сто восемьдесят градусов, мы все как один вскинули оружие. Только вот стрелять оказалось не в кого. Все что открылось глазу, так это клубящееся огненное облако, которое поднималось над вереницей оплавленных тюремных корпусов.

– Дьявольщина, вертолет! – Леший первым догадался о случившемся.

– Лиза! – с этим криком мы с Пашкой сорвались с места и по цепочке наших собственных, еще не до конца стертых ветром следов, кинулись навстречу чудовищной, парализующей дыхание и само сердце неизвестности.

Глава 3

Не помня себя от горя, забыв об осторожности, я метался меж груд разогретого, искореженного взрывом металла. Куски вертолета оказались разбросаны в радиусе полу-сотни метров. Огня уже практически не было. Только дым, жирный смрадный дым, в котором угадывался тошнотворный, чудовищный привкус сожженной живой плоти. Я чуял его и глухо стонал, а может рычал от приступов нестерпимой боли. Господи, неужели дым – это все, что осталось от них... от нее?!

Имя Лизы я не смел произнести ни вслух, ни даже в мыслях. Казалось, что сделай я это, и ее смерть станет реальностью, свершившимся фактом. А так... Обманывая самого себя, я искал что-то, а не кого-то. Что-то, что поможет очнуться от страшного сна, сообщит, что все произошедшее это неправда, бред, жуткое наваждение. И вот тогда я вздохну с облегчением, упаду на колени перед своей возлюбленной, буду обнимать ее ноги и молить о прощении: за то, что не послушал, за то, что ушел. И несгибаемому полковнику Ветрову будет глубоко наплевать, что он унижается и ведет себя как настоящая тряпка. Пусть смотрят все, хоть целый мир. Клянусь, я сделаю так, я буду внимать ее словам и слушаться ее, как родную мать. Пусть только Лиза окажется жива!

Я все-таки произнес имя девушки, и был немедленно покаран за святотатство. На глаза вдруг попался кусок железа. Вообще-то прежде он именовался Снайперской винтовкой Драгунова образца 1963 года, однако теперь с оторванным прикладом и оптикой, разбитым цевьем и сплюснутой ствольной коробкой некогда грозное оружие приобрело вид старой, погнутой, да к тому же еще и изрядно закопченной рулевой тяги от какого-то древнего грузовика или трактора. Винтовка лежала придавленная сверху куском вертолетной лопасти, а рядом по черной пыли расплывалось какое-то тягучее бурое пятно, от которого поднимались струйки то ли пара, то ли дыма.

Ноги подкосились сами собой, и я медленно опустился на колени. Протянул дрожащую руку и сграбастал полную жмению горячего и липкого черного песка. Мне потребовалось где-то с полминуты, чтобы понять: нет, хвала всевышнему, это не кровь. Это какая-то техническая жидкость.

– Что у вас тут?

Хриплый бас Загребельного заставил меня медленно повернуться. Андрюха прибыл на место взрыва только теперь и притащил с собой тяжело дышащего, валящегося от усталости Серебрянцева.

– Ничего... – я обреченно покачал головой. – Никто не выжил.

– Тела нашли? – чекист уставился на покореженную СВД.

– Пока не нашли.

– Не может такого быть, – Леший не стал деликатничать, разводить сопли и жалеть своего старого друга. – Человеческое тело довольно прочная штука. Ее просто так не уничтожишь.

– По-разному бывает, – прошептал я, едва пропихнув ставший поперек горла комок.

– Вставай! Нечего тут рассиживаться!

Андрюха перекинул за спину свой АКС-74 и подцепил меня под руку. Я подчинился. Глупо и бессмысленно стоять на коленях перед пятном смазки... Или, что это еще такое?

Подполковника ФСБ, судя по всему, заинтересовался тем же самым вопросом. По крайней мере, он поднес мою, испачканную в бурую субстанцию ладонь к своему лицу и стал ее внимательно разглядывать. Я не сопротивлялся, так как ощущал себя... В том-то и дело, что вообще не ощущал. Никем и ничем. Я был вакуумом, одиночеством, бездонной бездной, в которой нет и не может быть ничего, кроме пустоты.

– Даниил Ипатиевич, – Загребельный оглянулся на младшего научного сотрудника и махнул тому рукой, – нужна ваша помощь.

Пожилой ученый тяжело поднялся с обломка вертолетного хвоста, на который упал сразу по приходу на место катастрофы, и поплелся к нам.

– Максим Григорьевич, мне очень жаль... – пролепетал он, оказавшись рядом.

– А ну, гляньте сюда, – Леший не дал старику продолжить

и развернул к нему мою перемазанную в черно-бурой жиже ладонь. — Я уже заметил несколько пятен вот точно такой же дряни. А на руке у Максима она, кажется, еще и ползает.

Как не тяжело мне было сейчас, как не пусто и гулко в голове, но все же на «ползает» я среагировал. Поглядев на свою руку, я увидел, что бурая жидкость на ней и впрямь стала стекаться к центру ладони и там она, кажется, начинала загустевать. После себя она оставляла абсолютно сухую и чистую кожу, с которой легко осыпались черные песчинки. Процесс шел довольно быстро и уже секунд через пятнадцать-двадцать к моей руке оказался приклеен небольшой кусочек пластичного темно-коричневого вещества размером с двухрублевую монету.

— Странная жидкость, — протянул Ипатич, щурясь и пытаясь разглядеть прилипалу сквозь запотевшие стекла своих стареньких очков.

— Странная... — я не спросил, а просто тупо повторил, — и теплая.

— Что нагревается?! — сразу насторожился чекист.

— Похоже, — я кивнул с полным равнодушием в голосе.

Загребельный среагировал молниеносно. Из разгрузки он выдернул нож и ловко соскреб с моей ладони уже довольно горячую пластичную массу. Не долго думая, подполковник зашвырнул свой боевой тесак метров на двадцать.

Клинок так и не успел коснуться черной выжженной земли. Полыхнула вспышка, прозвучал негромкий взрыв, и от-

точенное лезвие разлетелось на куски, будто оно было сделано вовсе не из стали, а из хрупкого стекла.

– Опять я без ножа остался, – Леший задумчиво уставился на место, где только что взорвалась диковинная граната.

– Вот это... – Серебрянцев был ошарашен и растерян, он с трудом подбирал слова. – Вот это их и убило? – Наконец он смог выдавить из себя хоть что-то членораздельное.

– Никого это не убило, – достаточно уверенно произнес подполковник ФСБ. – Кроме вертолета, пожалуй. Разорви тут четверых, мяса было бы полно, а о кровище и говорить не приходится. Видал я такие случаи и притом неоднократно.

– Дядя Максим, я не нашел Лизу. Никого ни нашел. Ни живыми, ни мертвыми. Только вот это...

Пашка вышмыгнул из-за вертолетного двигателя, который искореженной стальной глыбой дымился совсем неподалеку. Пацан будто услышал слова Андрюхи и поспешил немедленно их подтвердить. Вещественными доказательствами, которые он раздобыл, были кусок обгоревшего вещмешка и «калаш» с погнутым стволом.

– Надо искать еще! – выдохнул я, веря и одновременно не веря в лучший исход.

– Да, конечно, они могли заметить опасность и уйти от вертолета! – Серебрянцев понял меня по-своему, а потому тут же принялся торопливо приглядываться к черному горизонту, как будто наши товарищи могли уйти так далеко.

– Без оружия?

Слова Загребельного стали ударом под дых, от которого я задохнулся и захрипел. Все что смогла произвести на свет моя глотка, был тяжелый сдавленный стон:

– Что ты сказал?

– Винтовка... автомат... Наши бросили оружие.

Внемля словам Лешего, я опустил взгляд на лежавшую в черной пыли СВД. Сейчас расстаться с оружием, это почти тоже самое, что расстаться с жизнью. Это понимают все, а в особенности кадровый офицер спецназа Константин Соколовский и снайпер Лиза Орлова. Так неужели они просто так расстались со своими стволами?

– Ничего не понимаю, – я растерянно покачал головой.

– Гильзы случайно никто не находил? – взгляд Андрюхи скользнул по поверхности обожженной земли.

– Какие гильзы? – спросил Пашка, который со свойственной юности доверчивостью начинал верить, что его старшая сестра все еще жива.

– Стреляные, – Леший мельком зыркнул на меня.

– Выстрелов мы не слышали, хотя были не так уж и далеко, всего чуть поболее километра, – я понял, куда клонит мой приятель.

– Да, верно... – Загребельный задумчиво кивнул, тем самым отказываясь от своей гипотезы о неравном бое неизвестно с кем, который группа Соколовского бесславно проиграла. – И следов тоже никаких не видно. Только те, что мы оставили. Так что тут другое... Что-то совершенно другое.

От такого рода разговоров, от наших наблюдений и открытий все больше и больше тянуло каким-то уж вовсе неприятным душком. С вертушкой произошло что-то очень странное. Может какая-нибудь неизвестная аномалия типа раскаленных смерчей? Но тогда откуда здесь это странное взрывчатое вещество? Или оно и есть сама аномалия? Тогда где тела? Сгорели? Но краска на обломках Ми-8 по большей части уцелела. Значит о высокой температуре можно забыть. Значит наших друзей живых или мертвых забрало что-то другое. Что-то или кто-то? Кто-то – это был самый неприятный вариант. Понимая, нет, скорее чувствуя это, мы все как один покрепче стиснули автоматы.

Неслись секунды, они складывались в минуты, а мы все стояли молча, прижавшись друг к другу спинами, с опаской глядя по сторонам. Завывал ветер. Он с остервенением рвал на клочья смрадный дым пожарища и уносил его вдаль, прямо к стене серого тумана. От этого казалось, что зло, сделав свое черное дело, уползает обратно к себе в логово. Нас оно почему-то не замечало. Пока не замечало. Но кто знает, как все обернется всего через час или даже через миг.

– Что же нам теперь делать? Где их искать? – в душе мальчишки страх за судьбу сестры пересилил все остальные страхи.

Я не знал что сказать, а потому лишь обнял Пашку за плечи и крепко прижал к себе. Что делать? – извечный вопрос, ответить на который мог лишь тот, кто умел выуживать из

пустоты, из ничего хоть какие-то крохи информации.

– Здесь в округе никого нет... на несколько километров никого, – подполковник ФСБ отвернулся от выжженного пепелища, именовавшегося когда-то Медынью, и поглядел на меня. – И нам тут оставаться тоже не рекомендуется.

– А куда же Лизка подевалась и Анатолий Иванович, и летчик с товарищем капитаном? – не выдержал Пашка.

Мальчишка словно не расслышал вторую часть из фразы Загребельного, хотя она-то и была самая главная. Сознанием взрослого человека я понял это, даже не смотря на всю ту боль, что нестерпимо жгла все внутри.

– Назад мне дороги нет, – процедил я сквозь плотно сжатые зубы.

– Примерно так я и думал, – Леший угрюмо кивнул.

– Мы уже столько людей потеряли... Неужто даром? – начал было я.

– Можешь не объяснять, и так все яснее ясного, – Андрюха остановил меня взмахом руки и дальше обратился уже к Серебрянцеву: – Даниил Ипатиевич, какие, по-вашему, у нас с Максом шансы не сдохнуть в этом... – Загребельный не потрудился подобрать название к вздымающейся до небес плотной серой завесе и просто кивнул на юго-запад.

– Вы решились идти? – ученый сперва взглянул на Лешего, а затем на меня.

– Так уж получается, что Могилев именно в той стороне, – я горько усмехнулся, – Значит и нам именно туда.

– Мы одна команда, – напомнил старик. – Поэтому я...

Ипатич не договорил, так как Загребельный положил ему на плечо свою здоровенную лапищу.

– А вы, дорогой наш ученый человек, возьмете Павла и потихоньку потопаете в обратную сторону. Откровенно скажу, шансов у вас почти нет, но бывают же на свете чудеса.

– Я не пойду! – тут же заявил Пашка. – Я должен искать Лизу. Если ее нет здесь, то она там, в тумане. С ней произошло то же, что и с папой. Ему я не смог помочь, а ей помогу, ее я не брошу!

Сам того не понимая, пацан выдал первую и пока единственную версию всего произошедшего. Конечно, доказательств ее справедливости не существовало, но все же... Переступая через черту, я буду думать, что делаю это не только ради всего человечества, но еще и ради нее, девушки, подарившей мне любовь, о которой старый танкист уже даже и не мечтал.

– Максим Григорьевич, но ведь все-таки я ученый, – младший научный сотрудник Физического института имени Лебедева решил зайти с другой стороны. – И этот феномен как раз по моей части. А если говорить об опасности, то я уже в таком возрасте, когда...

– А с кем Пашка останется, если вы пойдете?

Своим вопросом я оборвал словоизлияние старика. Тот сразу поник плечами и опустил свою вечно взлохмаченную седую голову.

– Вот то-то и оно, Даниил Ипатиевич, – я укоризненно покачал головой, а чтобы избежать новых, уже практически готовых вырваться наружу протестов со стороны мальчишки громко произнес: – Так что слушать приказ. Пойдете по этой дороге. – Я указал рукой на широкую полосу расплывшегося во все стороны, спекшегося асфальта, которая тянулась меж двух цепочек небольших, но хорошо различимых холмиков. – В Медыне все просто, не город, а настоящая решетка, улицы либо параллельные, либо перпендикулярные. Так что направление будет держать несложно. Основная проблема здесь, конечно же, аномалии, но с большинством из них вы уже знакомы. Единственный совет, который могу дать: выбирайте дорогу поровней и держитесь подальше от всяких непонятных образований типа ям, дыр, трещин, вздутий и так далее.

Я говорил будто для самого себя. Серебрянцев тупо уткнул глаза в черный пыльный камень под ногами, а Пашка демонстративно отвернулся и лишь только изредка позыркаивал на меня колючим, злющим взглядом. Что ж, их обоих можно было понять. Окажись я на их месте, то реагировал бы точно так же. Но только вот сейчас я находился на своем, а значит должен был сделать все, чтобы шанс этой парочки вырос с нуля ну хотя бы до одной десятой процента.

– Доберетесь до окраины города, отыщите шоссе. Мне кажется, оно будет где-то поблизости. По нему дойдете до Малоярославца. Оттуда по Калужскому напрямик до Подоль-

ска. В сумме это получится километров сто двадцать, может сто тридцать. – Подумав о расстоянии, которое Ипатичу с Пашкой предстоит протопать по Проклятым землям, я не удержался от тяжелого вздоха. – Много. Я прекрасно понимаю, что много. Но другого выхода нет.

Именно в этот момент мне представилось, как мы с Лешим переступаем границу тумана и попадаем в зону действия красных фонарей. Я вовсе не эксперт по части путешествий в параллельные миры, а потому представить их себе не мог, зато видение двух разорванных и перемолотых в кашу человеческих тел получилось, прямо сказать, отменно. В чужом мире должны действовать чужие законы и не факт, что мы, создания из плоти и крови, в них впишемся. Но это уже должны будем проверить мы с Лешим. А вот для Ипатича с Пашкой лучше будет не искушать судьбу. С этой стороны серого барьера хотя бы все знакомо и понятно. Здесь тоже гуляет зло, но с ним мы все же кое-как научились бороться.

Мои мысли словно услышал Загребельный. Бывший командир Красногорского спецназа тут же предложил рецепт, способный уберечь от напасти, именуемой призраками.

– Сейчас уже середина дня, – погудел он, приглядываясь к низким, словно налитым свинцом облакам. – Далеко вы все равно не уйдете. Так что лучше подумать о ночлеге. Тут все выгорело, убежищ не найдете. Единственный выход рыть нору, там, где земля помягче. – Андрюха чисто машинально провел рукой по разгрузке у себя на груди и сразу же выру-

гался: – Вот зараза, а ножа-то и нет. Он бы вам очень пригодился.

– Нож, говоришь... – переспросил я и полез за голенище своего кирзового сапога.

Оттуда я извлек небольшую финку с гладкой выточенной из металла ручкой. Это был тот самый нож, что я подобрал в церкви, где мы провели прошлую ночь. Сунул его в сапог и вспомнил лишь теперь.

– На вот, держи, – я перевернул оружие в руке и, взявшись за лезвие, протянул его мальчишке.

Пашка немного поколебался, но затем все же взял нож. Сжав его в руке, он несколько секунд стоял молча, а затем очень тихо произнес:

– Дядя Максим, не уходите. Мы ведь тогда больше не увидимся, никогда не увидимся.

От этих слов моя душа сжалась в комок и заныла так, будто ее основательно стянули тугими витками колючей проволоки. Цирк-зоопарк, а ведь и верно. Мои с Андрюхой шансы ничуть не выше, чем у Пашки и Серебрянцева. Наши – ноль, их – почти ноль, это значит, что повстречаться вновь... Такой удачи просто не бывает. И вот эти минуты – последние минуты, когда мы видим друг друга.

Осознав это, я едва слышно застонал. Господи, какой страшный сегодня день, черный. Сперва ушли Фомин и Главный, потом Летяев, Соколовский, Нестеров и Лиза, а сейчас... Сейчас я теряю старика Серебрянцева и Пашку!

Почему так? За что мне это? Где же то невероятное везение, которым я привык хвалиться?

– Нам пора... – едва слышно пробурчал Леший.

Я поглядел на Андрюху и тут же понял, куда торопится мой приятель. Нет, вовсе не на тот свет. Он просто пытается сохранить уверенность и мужество. Стоя здесь, оставаясь на месте, мы все теряем и первое, и второе. Вон уже даже Пашка, этот бесстрашный сорвиголова, сейчас стал походить на жалкого растрепанного воробья. Он больше не рвется в бой, он растерян, подавлен. И эта кладбищенская безнадега все больше, все плотнее накрывает и нас.

– Пора, – я повторил слова Загребельного и рывком при-
тянул мальчишку к себе. – Уцелей Павлуша, я тебя очень прошу, уцелей! – шептал я ему на ухо, а в ответ слышал лишь отрывистое всхлипывание, совсем негромкое, такое, каким обычно плачут маленькие дети.

С Ипатичем мы просто обнялись, крепко обнялись. Ни каких особых слов не требовалось, пожалуй, кроме одного:

– Удачи вам, товарищи, – старик смотрел в наши с Лешим лица, словно старался хорошенько запомнить.

– И вам удачи, товарищ академик, – Загребельный улыбнулся как можно более ободряюще.

Всю дорогу до линии тумана мы прошли молча. Я несколько раз оборачивался, пытаюсь убедиться, что старик и мальчишка не увязались следом. Но нет, выжженная пу-

стыня за нашими спинами по-прежнему оставалась мертвой и безжизненной. Это было хорошо. Честно говоря, я боялся, что не утерпят. Типа, пропадать, так всем вместе. Пропадать, конечно, не очень-то и хотелось, но если уж придется...

– Дай руку, – неожиданно произнес Леший, когда до красного пунктира оставалось не более дюжины шагов.

– Что боязно? – я криво ухмыльнулся, представив нас держащимися за руки.

– Дурак, – в сердцах выругался подполковник ФСБ. – Разбросать может. И не только в разные стороны, а и куда подальше.

Андрюха не произнес «в разные миры», но я и без того все понял и быстро схватил его протянутую здоровенную пятерню. Мы так и шагнули в колючую серую метель, как два маленьких беспутных мальчишки, которые навсегда покидали родной дом и отправлялись на поиски жутких приключений.

Ох, приключения будут еще те...! Жопой чувствую, – подумал я, когда перед глазами все поплыло и завертелось.

Глава 4

Туман... Здесь тоже был туман. Правда, он больше походил на дым, плотный желтоватый дым, как от дымовой шашки, а вовсе не на хлопья этого гребаного серого пепла. Я понял это, как только ослепительные белые пятна, бешено пульсировавшие у меня перед глазами, вдруг померкли и стали пропадать одно за другим. Вместе с ними ушло и головокружение. Вот теперь можно было сказать с полной уверенностью: я все еще жив, вернее, мы живы.

Леший стоял рядом и продолжал до боли в костяшках сжимать мою левую руку. Говорят, что крепко стиснутая ладонь посылает в мозг какой-то особый хитрый импульс и стимулирует его работу. Может так оно и есть на самом деле, поскольку я начал быстро приходить в себя.

Вот он параллельный, а может перпендикулярный или, к примеру, диагональный мир. Кто ж его разберет, какой он там на самом деле. Факт только лишь, что не наш, совсем не наш. И это ни какая-то там граница или бери круче – другая планета, это... Я даже не мог сформулировать, что это такое. Одним словом, здесь все должно быть по-другому, совершенно по-другому. Здесь даже мы сами должны были измениться.

Испугавшись такой «веселенькой» перспективки, я рывком поднес свободную правую руку к лицу, так чтобы не ме-

шал туман, и стал ее пристально рассматривать. Вроде бы ничего... рука как рука. И все та же серая телогрейка, замусоленная, порванная на рукаве. И на шее висит все тот же АКМС модели 1959 года. Цирк-зоопарк, ничего не изменилось. Абсолютно ничего!

– Мы уже там? – эти слова я произнес шепотом, в котором плотно перемешались страх, растерянность и недоумение.

– Мы уже здесь, – буркнул в ответ Загребельный и буквально отбросил мою пятерню. Андрюха сделал это, чтобы моментально вцепиться в рукоять своего автомата.

– Что? – выдохнул я и, не мешкая, последовал его примеру.

– Показалось звук какой-то, – мой приятель стал вертеть головой по сторонам, однако густой туман не позволял ему что-либо разглядеть.

– Ничего не слышу, – мне пришлось признаться. – Может ветер?

– Шут его знает, – Леший зябко поежился.

– Куда двинем дальше? – вполголоса спросил я, так как прекрасно понимал – стоять на месте и ждать неизвестно чего, это полнейший идиотизм.

– Как ты думаешь, сколько мы протопали после того, как переступили границу красных огней? – Загребельный глянул на меня сквозь разделявшую нас мутную поволоку.

– Не знаю, не считал, – я пожал плечами. – Шагов десять, не больше.

– Вот и мне так показалось, – Андрюха повернул голову и покосился назад. – Тогда, может, попробуем вернуться?

– Вернуться?!

Мое переполошенное чувство самосохранения прямо таки завопило от радости. Вернуться! Как было бы здорово вернуться, пусть даже в мертвый, выгоревший дотла, но все же родной дом. Поддавшись этому спонтанному неосознанному порыву, я даже попробовал сделать шаг назад.

– Стой и не дергайся, – вместо ответа подполковник ФСБ вцепился в рукав моей телогрейки, тем самым наглядно давая понять, что ни о каком возвращении речь и близко не идет. Все это лишь проверка, гребанный эксперимент. – Я развернусь первым на сто восемьдесят градусов относительно тебя. Ты вслед за мной. Только так мы сможем более или менее угадать обратное направление. А то в этом тумане черт ногу сломит.

– Изобретатель хренов...! – я выдернул руку из клешни Загребельного. – Проще надо быть, и не мудрствуя лукаво просто поглядеть себе под ноги. Мы ведь, между прочим, следы оставляем. Вот по ним-то и можно будет вернуться... Если, конечно, будет куда.

Следы и впрямь получались отменные. Загляденье, а не следы! Их без труда можно было разглядеть даже в таком прокисшем молоке, как то, через которое мы сейчас брели. Вот только жаль, что отпечатки скоро исчезли. Очень скоро. После этого по щиколотку утопая в плотной грязно-желтой

пыли, мы прошли шагов десять, потом еще десять, потом два раза по десять, но до границы тумана так и не добрались. И ни разу, даже мельком глаз не уловил и намека на когда-то зловещее, а теперь такое теплое и желанное красное свечение.

– Тебе все понятно? – в конце концов Леший решил, что настало время делать выводы.

– А мы случаем не сбились? Круги не нарезаем? – я ответил вопросом на вопрос.

– На полусотне метрах? – в голосе чекиста послышалась горькая ирония.

– Тоже верно, – пробурчал я себе под нос. – Значит, назад пути нет. Ты оказался прав, это самая настоящая западня.

– Мы ведь и так назад не собирались, – Леший криво усмехнулся. – Просто небольшую разведочку провели.

– Жребий брошен. Рубикон перейден. Мосты сожжены.

– Примерно так, – Андрюха кивнул и вновь прислушался к стоящей вокруг тишине. Не обнаружив ничего подозрительного, подполковник продолжил: – Вернемся на исходную, перекрестимся и вперед!

Что ж, с первой частью данного плана я был полностью согласен, а вот над второй стоило хорошенько подумать. Так что вопрос «Куда вперед?» вызревал в моей голове все то время, пока мы возвращались по уже основательно протоптанной тропе. Он воплотился в слова только лишь когда эта дорожка оборвалась и впереди обнаружился абсолютно ров-

ный, нетронутый участок слежавшейся за долгие годы, если не века пыли.

– Куда вперед? – Леший повторил мой вопрос, пару секунд пораскинул мозгами, а затем задумчиво протянул: – А куда мы с тобой, друг Максим, вообще собирались идти?

– К Могилеву! Куда же еще?

– Точно, к Могилеву, – подполковник кивнул. – Полагаешь, этот самый Могилев существует и в этом мире тоже?

Да, вот это был вопрос! От него у меня мурашки по коже поползли. Цирк-зоопарк, а ведь и правда, это же иной мир! Какой тут, нахрен, Могилев?!

Сознаюсь, я и впрямь был ошарашен, но все же очень и очень не хотелось походить на придурка, который сам забрался в ловушку, да еще и поплотнее захлопнул за собой дверцу. Может именно поэтому мой мозг и стал сопротивляться, ошалело искать выход:

– Но Главный вел нас в Могилев. Он даже указал место на карте! А ведь ханх прекрасно знал, что этот участок уже практически вывалился из нашего пространства, что здесь уже все по-другому.

– В общем-то ход твоих мыслей мне нравится, – похвалил меня Андрюха. – Значит тут что-то не то...

– Что не то? – я с надеждой поглядел на смекалистого ФСБшника.

– К примеру, этот мир в чем-то совпадает с нашим. Или всего лишь пока совпадает, я имею в виду на этой стадии

трансформации. Здесь тоже есть свой Могилев и свои Антоновка и Горобовичи, те самые, около которых и упрятан модуль ханхов. Может они стоят среди барханов красной пустыни. Все дома там сложены из железных кирпичей, а дороги покрыты сверкающим в лучах зеленого солнца голубым стеклом.

– Зеленого говоришь... – я с подозрением покосился на утопающее в едкой грязно-желтой пелене небо.

– А что и пофантазировать нельзя? – Леший кисло улыбнулся.

– Что ж, ход твоих мыслей в первой части этой фантазии мне тоже понравился, – произнося это, я двинулся вперед. – Идем, проверим, вдруг после того как тебя в «сварке» током шандарахнуло, а следом за этим о броню приложило, ты в предсказателя превратился, в Нострадамуса какого-нибудь долбанного.

По крайней мере, в последующие полчаса пророчествам моего друга сбыться так и не судилось. Мы по-прежнему брели в тумане, настораживаясь при каждом шорохе, вглядываясь в грязно-желтые клубы, в которых то и дело угадывались размытые силуэты разнообразных диковинных монстров. Так продолжалось вплоть до того момента, пока впереди самым странным образом не потемнело.

– А ну, погоди! – я поднял вверх руку и остановил приятеля. – Кажется, наконец, мы на что-то наткнулись.

– Сейчас разберемся.

Леший вскинул свой АКС-74, а затем медленно и осторожно двинулся вперед. Мне ничего не оставалось, как тоже поднять «калаш» и последовать за напарником. Сделал я это не только или, вернее, не столько повинувшись безотчетному порыву первооткрывателя, сколько из-за примитивного страха остаться в одиночестве. Да уж, в этом тумане только упусти друг друга из вида, потом вовек не сыщешь!

Потребовалось всего несколько шагов, чтобы понять: объект впереди не просто большой, а просто таки гигантский. Оказавшись рядом с ним, мы сразу же почувствовали себя жалкими букашками, которые неожиданно, лоб в лоб столкнулись с карьерным самосвалом. Но все же, что именно находилось перед нами до сих пор так и оставалось загадкой. Практически ничего не прояснилось даже когда, приблизившись вплотную, Загребельный протянул руку и коснулся ровной поверхности сплошь облепленной черно-бурой, основательно высохшей коркой. Это была то ли грязь, то ли мох, то ли тина, а может и первое, и второе, и третье вместе взятое.

– Ну что, мысли какие-нибудь имеются? – я стоял рядом и глядел на то, как мой приятель шарит ладонью по этой непонятной, вздутой, словно от диареи, стене.

– Имеются, – Андрюха поскреб ногтем по грязным наплывам, выудил из них что-то очень небольшое и протянул мне.

Я осторожно, двумя пальцами взял трофей Лешего и попытался его разглядеть. Еще до того, как туман позволил

это сделать, я уже знал, чувствовал на ощупь – предмет мне хорошо знаком, очень хорошо, можно сказать с детства. Маленькая, размером с наперсток скорлупка. Внутренняя сторона гладкая, наружная ребристая. Цирк-зоопарк да это же...

– Ракушка! – я догадался одновременно с тем как увидел. – Откуда она здесь?

– Ага, ракушка, – кивнул Загребельный. – Тут их много. Днище сто лет не чистили. Обросло, дай боже!

– Днище? – я не поверил своим ушам.

– Оно самое.

Подтверждая свои слова, подполковник развернул автомат и тыльной стороной ствольной коробки как следует врезал по вставшей у нас на пути преграде. В этот миг мне показалось, что земля закачалась, а небо сорвалось с гвоздя, на котором висело, и падает прямиком на наши многострадальные головы. Только этот и никакой другой катаклизм мог сопровождаться таким тяжелым, раскатистым громом, гулом и стоном одновременно.

– Ты что сдурел! – я вцепился в разгрузку Лешего. – Услышать ведь могут!

– Кто?

– Не знаю.

– Вот то-то и оно, – Андрюха с досадой пнул борт неведомого корабля. – Пусть уже хоть кто-нибудь появится. Не век же тут бродить! Прямо ёжики в тумане, мать вашу!

– Какой, по-твоему, это корабль? – я попытался загрузить мозг приятеля работой в надежде что там не останется места для злости и раздражения, полностью противопоказанных в ситуациях типа нашей.

– Черт его знает, – чекист поглядел вдоль теряющегося в тумане борта. – Большой, должно быть океанский.

– Пойдем, поглядим, – предложил я и шагнул по направлению к носу, по крайней мере, я почему-то решил, что нос находится именно в этой стороне.

– Пойдем, раз других развлечений больше нет, – согласился Леший.

Развлечение получилось что надо, я бы сказал не для слабонервных. Все то время, что мы пробирались вдоль борта, внутри корабля что-то ерзало и ворочалось. И это самое что-то, насколько можно было понять, увязалось вслед за нами. Я подумал, что произойди сейчас чудо, исчезни вдруг толстый стальной борт, то мы бы с этой штукой оказались совсем рядом, может даже увидели друг друга. Хотя нет, лучше не надобно нам таких чудес. Лучше мы спокойно обойдем это странное судно и потопаем дальше, своей, так сказать, извилистой дорогой.

– Чертовщина какая-то, – Леший покосился сперва на меня, а затем на борт корабля.

– Ты о чем? – Казалось, что гулкие удары сердца звучат громче, чем мой шепот.

– Не пойму, как оно успевает за нами. Там же стальные

переборки, отсеки разные. Или...

– Что или? – я заметил, что Андрюха помрачнел.

– Или оно там внутри не одно.

– Умеешь ты утешить! – я болезненно скривился.

– Как насчет того чтобы убраться отсюда? Целее будем. –

Загребельный на пару шагов отступил от борта.

– Обожди, – пришлось придержать друга. – Давай все же дойдем до носа.

– Да нахрена тебе этот нос сдался? – прошипел чекист.

– Вот балда! Как тебя в ФСБ столько лет терпели? – не зло возмутился я. – На носу кораблей обычно название пишут. Так глядишь и узнаем, что за посудина. Все ж, какая-никакая, а информация.

Вдоль борта неизвестного судна мы уже продвинулись или, вернее будет сказать, прокрались метров на семьдесят. Так что по моему, насквозь сухопутному разумению до носа оставалось совсем немного. Ну, не супертанкер же это в самом-то деле!

– Ладно, пошли, – согласился Леший. – Тем более что кораблик-то, похоже, носом в землю врылся. Может и впрямь название окажется не так высоко. Выясним, кого это сюда занесло.

Слова Загребельного заставили повнимательней приглядеться к борту корабля. Основательно обросшая водорослями и ракушками подводная часть теперь поднималась из пыли метра на два, а над ней, выше грязно-белой полосы ватер-

линии возвышался серый, весь в ржавых потеках борт. Черт, высокий, надо сказать, борт. Разглядеть что-то там, наверху, будет...

– А это еще что такое! – сделав с полдюжины шагов, Андрюха вдруг остановился как вкопанный.

Поглядев вперед, я понял, что удивило моего друга. С носовой частью корабля явно что-то произошло. С того места где мы стояли, становился различим здоровенный кусок обшивки, который был выломан и отогнут от борта. Конечно, зловердный туман не способствовал детальному изучению пробоины, но что она там имелась, так это как пить дать.

– Это его при ударе о землю раскурочило, – предположил Леший и крепче стиснул в руках автомат. После этого подполковник сделал свой вовсе неутешительный прогноз: – Сейчас попрут сволочи!

– Думаешь, попрут? – я во все глаза глядел на раскуроченное железо.

– А как же иначе. Дыра ведь! Их теперь ничто не сдерживает.

Кого ИХ мы с Андрюхой по обоюдному молчаливому согласию решили не уточнять. ИХ, и все тут. ОНИ это те, кто против нас. Готовясь к нападению, мы как по команде прижались спинами к грязному металлу борта. Конечно, отступать теперь было некуда, но зато наши жопы или по-военному тылы оказались прикрыты лучше некуда.

Однако летели секунды, минуты, а со стороны пробоины

никто не появлялся. Адреналин в венах стал мало-помалу перегорать, превращаясь в горючее для мозгов. Наверное, именно благодаря этой дозе полковник Ветров и стал прозревать.

– Линия сгиба очень ровная... а все поверхности чересчур гладкие, – прошептал я, наклонившись к Загребельному.

– Чего? – тот обернулся и наморщил лоб, силясь понять о чем это я.

– Говорю не похоже, чтобы этот корабль в землю влетел. Разрушения не те... странные какие-то разрушения.

Произнося эти слова, я уже стал о чем-то догадываться. Что-то очень знакомое всплывало в памяти. Чтобы вспомнить, чтобы понять не хватало лишь кокой-то мелочи, какого-то легкого толчка. Именно в этот миг откуда-то налетел порыв ветра. Он лишь на секунду проредил плотную дымовую завесу, однако этой секунды, этого мига вполне хватило, чтобы понять.

– Ворота! – выдохнули мы одновременно.

Да, так оно и было. То что мы вначале приняли за раздавленную носовую часть, оказалось распахнутыми настежь гермоворотами трюма. И этот факт сразу превращал найденный нами корабль в паром или...

– Это ж БДК! Черт побери, как я мог его не узнать!

Леший отбежал от борта и попытался вычленить из тумана знакомые очертания. Плохая идея. Ведь в таком тумане даже океанский корабль превращался в иголку в стоге сена.

– Наш? – чтобы не дай бог не потеряться в тумане, я последовал за приятелем.

– Конечно наш, – подполковник ФСБ со знанием дела кивнул. – На западе таких не строили.

Повстречать российское военное судно, да еще где, совершенно в другом мире, это было как подарок и одновременно как издевка, безжалостное напоминание о человеческой слабости и никчемности. Ведь Большой Десантный Корабль являлся таким же пленником, как и мы, беспомощным и всеми забытым. И это было более чем печально.

– Цифры видишь? Бортовой номер, я имею в виду, – Леший стал показывать выше и правее того места, где мы с ним намеревались держать оборону.

Я поднял глаза и пригляделся. То ли поднявшийся ветер действительно причесал, проредил космы тумана, то ли мы привыкли к нему и стали лучше ориентироваться и разбирать детали, не знаю, но как бы там ни было мне и впрямь показалось, что я кое-что вижу.

– Ноль там точно есть. А после него... – я постарался получше приглядеться. – После него двойка вроде. Вместе «02» получается. Как в ментовку звонить. Помнишь, поди?

– Не бывает таких бортовых номеров, – чекист отрицательно покачал головой. – Трехзначный должны быть.

– Трехзначный? – я вновь повернул голову в сторону БДК.

– Единица там, что ли... – Пока я наводил резкость, Андрюха успел кое-что разглядеть. Как-никак помоложе он ме-

ня, а стало быть и глаз позорче. – Точно, бортовой «102», – в конце концов резюмировал подполковник.

– Ну, и что это нам дает?

– А что ты хотел узнать, когда охотился за названием? – Загребельный продолжал неотрывно глядеть в клубящуюся грязно-желтую мглу, в которой скрывался Большой Десантный Корабль.

– Хотя бы из какой он эпохи, из какой страны.

– Эпоха наша, страна тоже. И это все значит... – Леший запнулся, приглашая меня продолжить.

– Хрен его знает, товарищ подполковник, – я бессильно пожал плечами. – Можно надеяться, что в этом мире нет чехарды со временем. То есть никаких скачков в прошлое и будущее. И еще одно любопытное наблюдение: ты, я, этот корабль... все мы прибыли из одного места – с Земли.

– Полагаю, что не все, – ФСБшник напрягся как сторожевая собака, почуявшая приближение чужого. – Слышишь? Внутри вроде опять свистопляска началась.

Я прислушался и действительно вновь уловил эти странные звуки. Только теперь к возне и царапанию добавилось еще и какое-то неприятное, чем-то очень знакомое шипение или лучше будет сказать шелест, от которого будто даже завибрировал сам металл корабля. Услышав его, мы с Андрюхой быстро переглянулись.

– Этого еще только не хватало, – процедил сквозь стиснутые зубы чекист.

– Если даже там и призраки, то сейчас светло, день еще, – напомнил я приятелю.

– Кто его знает, может в этих краях призраки и днем охотятся, – Леший покачал головой. – Нет, пожалуй, к аппарату лучше близко не подходить. Как говорится, не буди лихо, пока оно тихо.

– Согласен, – я покрепче стиснул автомат. – Давай... Пошли в обход!

Этот самый обход при нулевой видимости оказался довольно непростым мероприятием. Совершили мы его по здоровенной, сплюснутой букве «П», добросовестно считая шаги: пятьдесят назад, сто – направо и еще раз пятьдесят – направо. В результате данного маневра мы надеялись навсегда распрощаться с БДК под бортовым номером 102 и его «милым» экипажем, из кого бы тот ни состоял.

Куда дальше? Продолжая оставаться в тумане, мы были обречены на этот вопрос. Компас Лешего, чего впрочем и следовало ожидать, вертелся как юла и каждый раз менял свое мнение относительно месторасположения севера и юга. Хотя, честно говоря, он-то и на Земле частенько вытворял что хотел. Сдвинутые ханхами, постоянно плавающие магнитные полюса планеты превращали этот некогда надежный, старый как мир прибор в нечто вроде бабки-гадалки. Хочешь, прислушаешься к ее совету, а хочешь, пошлешь куда подальше.

Так что нашей главной надеждой оставалась карта, вер-

нее атлас автодорог, прихваченный из моей квартиры в Наро-Фоминске. Цирк-зоопарк, разве мог я когда-нибудь подумать, что вот эта незатейливая книжица поведет нас по дорогам иного, чужого мира! Правда, эти самые дороги сперва еще следовало отыскать.

– Где ж тут, нахрен, дорога? – вторя моим мыслям, раздраженно прорычал Загребельный. – Куда идти? Не видать же ни черта!

– Надо выбираться из тумана, – ничего лучшего я предложить не смог.

– А если он тут сплошняком? Если весь этот гребаный мир, что называется, тонет в тумане?

– Тогда мы попали.

– Не просто попали, а крепко попали, – вздохнул чекист.

Около минуты мы просто тупо топтались на месте, пялились по сторонам в очень вялой надежде хоть что-нибудь там разглядеть. Однако зря старались. Уже через два-три метра грязно-желтая пыль под ногами сливалась с таким же грязно-желтым туманом, и два отважных путешественника по параллельным мирам продолжали оставаться внутри глухого непроницаемого для взгляда кокона.

– Все равно, как не крути, не верти, двигать нам куда-то придется, – я поглядел на приятеля в поисках поддержки. – Не сидеть же тут вечно.

– Придется, – Андрюха согласился.

– Возникает вопрос: в какую сторону пойдем и как дер-

жать это направление?

– Ну, с направлением мы уже кое-как определились, – Андрюха сперва кивнул направо. – Получается, БДК в этой стороне. А оттуда... – Леший сжал руку в кулак, оттопырил большой палец и указал им себе за спину. – А оттуда мы вроде бы пришли.

– Вроде бы, – я ох как не весело перекривил приятеля.

– Да уж, – согласился тот. – С ориентацией тут тяжеловато.

– Может по солнцу получится? – задрав голову, я стал искать местное светило. А как же иначе? Вокруг светло, значит должно быть и светило.

– Нет его там, – Андрюха кисло скривился. – Я уже думал об этом. Только небо однородное, одинаковой яркости, в какую сторону не глянь. Да к тому же и теней тоже нет, даже намек. Вот такая петрушка получается.

– Солнца нет, теней нет, а что тогда есть? – я уже наверное в сотый раз огляделся по сторонам.

– Кажется, есть ветер.

– Ветер?

– Ну или небольшое движение воздуха, – уточнил наблюдательный ФСБшник.

– Ветер, а тем более «небольшое движение воздуха» штука ненадежная, переменчивая, – я сокрушенно покачал головой.

– Увы, ничего лучшего пока предложить не могу, – Загребельный пожал плечами. – Так что единственный выход

ориентироваться по ветру и надеяться, что он не поменяется хотя бы в ближайший час.

Произнеся эти слова, Андрияха послунил указательный палец и поднял его над головой. Он постоял так несколько секунд, а когда показания с «прибора» оказались сняты, сообщил:

– В спину дует. Хорошо. Следить будет легко.

– А у тебя часы работают? – все то время, пока Загребельный проводил свои исследования, мое внимание цепко держалось за фразу «хотя бы в ближайший час» и вот сейчас, наконец, мысли трансформировались в слова.

– Часы? – Леший удивленно глянул на свое запястье. – Да вроде тикают. Сейчас уже, кстати, пятнадцать-тридцать.

– Странный какой-то мир, – протянул я задумчиво. – Часы работают. Оружие...

Дойдя до этого места, я вскинул к небу ствол своего АКМ-Са и надавил на спуск. Тут же грянул выстрел.

– Оружие, тоже в порядке.

– Что оружие в порядке, так это меня очень даже вдохновляет, – заметил чекист, – А вообще-то ты прав. Как-то тут все не так. Чувство у меня какое-то странное, будто мы вирусы какие или микробы. Придавили нас предметным стеклом и рассматривают через здоровенный микроскоп.

– Вот-вот, – подтвердил я и сразу же прислушался к своим собственным ощущениям. – Но изменить мы пока ничего не можем. Остается только топать куда глаза глядят.

– Пото-о-пали, – Леший воспринял мои слова как призыв к действию и первым устало двинулся вперед.

Мы шли уже почти два часа. Шли в полную неизвестность. Туман оставался все таким же плотным и непроглядным. Вокруг стояла могильная тишина, которую нарушали лишь звук нашего дыхания да хруст пыли под ногами. От всего этого на душе становилось ох как неуютно и жутковато. Все думалось: а вдруг и правда этому туману не будет конца? И что тогда? А тогда все, как говорится, приплыли. Даже если этот мир и является гротескной искаженной копией нашего, то это нам ничего не дает. Ориентироваться здесь человеку просто невозможно. Для этого нужен ультразвук как у летучей мыши или инфракрасное видение как у проклятых упырей.

Продолжением всех этих размышлений стал вопрос об обитателях затянутой туманом пустыни. Если таковые имеются, то каковы они? Почему мы их до сих пор не видели и не слышали?

После того как я поделился этими своими мыслями с Лешим, тот иронично хмыкнул:

- Тебе мало тех тварей, что облюбовали БДК?
- Все равно как-то подозрительно, не нормально я бы сказал. То ли условия здесь неподходящие для жизни, то ли их что-то или кто-то пугает.
- На нас намекаешь?

– А следы где? Тут особо сильного ветра нет и осадков, судя по пыли, тоже. Луна почти. Так что следы должны сохраняться надолго, а их-то и нет.

– Если мы пока не наткнулись на следы, это еще не значит, что их вообще нет.

Едва Андрюха успел это произнести, как прямо перед нами в мелкой серо-желтой пыли проступила цепочка продолговатых углублений.

– Ну, вот тебе и зверье. Как и заказывали, – без малейшей радости в голосе прогудел Загребельный. – Черт, крупная тварь! Проблем от такой только и жди.

Густой туман не позволял разглядеть следы отчетливо. Для того чтобы это сделать, нам пришлось присесть. Сперва мы изучали отпечатки молча, ну а когда первая оторопь улетучилась, Леший почесал затылок и пробурчал:

– Вот думаю я и никак не могу решить: хорошо все это или плохо?

– Да уж... – согласился я.

Мы оба глядели на чередующиеся отпечатки человеческих рук и ног. Судя по всему, кто-то ковылял что называется на четырех. Это было странно. Но в тупик ставило совершенно иное. Одна из ног путника была обута в достаточно новый, оставляющий глубокий четкий след кирзовый сапог, а обе руки имели только четыре пальца.

Глава 5

– Отсюда он вылез, больше неоткуда!

Леший вновь и вновь оглядывал массивную крышку люка, врезанного в небольшую платформу. Эта металлическая плита размером примерно три на шесть метров, сантиметров на тридцать возвышалась над поверхностью земли. Именно к ней нас и привели следы диковинного существа.

– Бесполезно, – я разочарованно махнул рукой. – Изнутри закрыта. И металл толстенный. Граната для него, все равно что комариный укус для слона.

– Что же все-таки это такое? – Андрюха встал с колена, отряхнул руки и вопросительно поглядел на меня.

– Ты об этом чуде или о люке?

– И о том, и о другом.

– Существо может оказаться обитателем этого мира...

– В сапоге из нашего, – бесцеремонно перебил меня ФСБшник. – Или ты полагаешь, они здесь наладили нелегальное производство кирзаков?

– Сапоги могли попасть в этот мир случайно, так же как мы с тобой или этот корабль.

– И сразу стали хитом сезона, новинкой в мире моды. Причем столь популярной и любимой, что аборигены согласны носить их даже по одному.

– Твой вариант?

– Мутант, – Загребельный рубанул словно увесистым боевым топором.

– Мутант? – я поежился. – И под воздействием чего этот бедолага так преобразился?

– Мне просто дико хочется, чтобы имелась какая-то особая, конкретная причина. Пусть это будет что угодно, только не общее воздействие этого мира, – Леший скривился. – Иначе...

– Иначе все это ждет и нас, – я закончил за приятеля.

– В любом случае у нас не так много времени.

Подполковник стал оглядываться по сторонам, хотя делал это скорее чисто автоматически. Ведь плотность тумана не изменилась. Он и здесь оставался все таким же плотным и непроницаемым.

– Куда пойдём дальше? – я вновь задал самый популярный сегодня вопрос.

– Сперва здесь осмотримся.

– Здесь?

– Так точно. – Загребельный покосился на меня. – Что по-твоему это такое? – При этих словах подполковник пнул носком ботинка наглухо задраенный люк.

– Ну-у... – я стал подбирать варианты.

– Это подземный объект, – опередил меня с ответом чекист. – А любой подземный объект имеет определенную инфраструктуру: запасные выходы, вентиляционные колодцы и так далее.

– Это по-нашему с тобой представлению, – остудил я приятеля. – У тех, кто все это построил, могут быть совсем иные стандарты.

– Попытка не пытка.

После моего замечания Андрюха помрачнел, но от планов своих не отказался. Да я и не настаивал. Ведь его план – это хоть какой-то план, это в любом случае лучше, чем ничего.

Осмотр местности проходил по довольно нехитрой схеме: мы выдвигались в одном из произвольно выбранных направлений шагов на триста, а затем по собственным следам возвращались назад, к железной плите с люком. В ходе трех таких вылазок ничего интересного обнаружено не было, а вот на четвертой...

Мы наткнулись еще на одну извилистую цепочку странных следов. Притом не просто следов, а довольно свежих следов. На этот раз человек шел на двух ногах. Он был бос. Плюс ко всему этому добавлялась еще одна не большая, но довольно неприятная тонкость. По отпечаткам в желто-серой пыли было отчетливо видно, что на ногах у него по четыре длинных растопыренных, словно у птицы, пальца.

Немного поразмыслив, взвесив все за и против, мы с Лешим решили отправиться по этому, вновь обнаруженному следу. Из двух вариантов: идти вперед или назад, был выбран первый. Решающую роль здесь сыграла Андрюхина наблюдательность, которая подсказала, что этот путь совпадает с направлением ветра. Таким образом, экспедиция в составе

полковника Ветрова и подполковника Загребельного продолжала свой нелегкий поход на юго-запад, если мы, конечно, не сбились, и этот самый юго-запад здесь действительно существовал.

Продвигаясь вперед, оба мы были чернее ночи. Не очень-то и приятно выслеживать больного человека, которого возможно... Да какой там возможно! Почти наверняка придется грохнуть. Ведь теперь он и не человек вовсе, а скорее дикий зверь, которому между прочим надо чем-то или кем-то питаться.

К этому гадкому чувству, к этим жестоким мыслям при-мешивалось еще и ощущение того, что охотимся мы чуть ли не на самих себя. Да, именно на самих себя! Ведь задержаться в этом проклятом месте означало стать точно такими же монстрами. Я уже сейчас не мог отделаться от ощущения, что внутри моего тела что-то происходит, что там все ломается и перекраивается на новый, чуждый человеку лад.

Чтобы хоть немного встряхнуться, разорвать тягучие и липкие путы страха, я постарался сосредоточиться на чем-то ином. Это оказалось легче легкого. Страх перед смертью завтрашней легко заглушает боязнь сыграть в ящик уже сегодня, сейчас. Чувствуя именно это, я покрепче сжал автомат и во все глаза стал вглядываться в грязный желтый занавес впереди. И, цирк-зоопарк, я кажется действительно увидел.

– Там! – хрип сам собой вырвался из моей пересохшей глотки. – Красный! Мигнул!

Леший поднял глаза от следов, за которыми неотступно следил, а затем глянул градусов на двадцать левее нашего курса, то есть именно в ту сторону, куда я и указывал. На несколько секунд он замер, а затем согласно кивнул:

– Точно. Есть такое дело.

– Ну, так давай... Двинули туда!

– Свет никуда не денется, – протянул Андрюха задумчиво. – А вот следы... Они меня сейчас интересуют куда больше.

Услышав эти слова, я вдруг понял: все то время, пока танкист Ветров копался в своих ощущениях и страхах, чекист Загребельный думал, анализировал сложившуюся ситуацию.

– Тогда выкладывай, – я слегка придержал приятеля.

– Понимаешь... – Андрюха раздраженно отмахнулся от особо плотного сгустка осточертевшего уже тумана, который назойливо лез в глаза. – Этот человек, по следам которого мы сейчас идем... Он ведь отличается от того четвероногого, чьи следы мы встретили первыми?

– Не знаю, – я пожал плечами.

– Отличается, – на этот раз Леший не спрашивал, а утверждал. – Тот наверняка вообще потерял человеческий облик, раз встал на четвереньки. А вместе с обликом и разум.

– Куда это ты клонишь?

– Похоже, тот первый выскочил из люка и гасал тут по всей округе как в жопу раненый. А этот нет. Этот куда-то шел, целенаправленно шел.

– Думаешь? – я поглядел на уходящую в туман цепочку следов.

– Уверен. Ведь именно он довел нас сюда... на эту, блин, улицу красных фонарей.

– Фонарей? – по слуху сразу резануло множественное число.

– Вон там еще несколько, – Андрюха указал вперед.

Я пригляделся и действительно смог разглядеть легкое, едва заметное покраснение на теле тумана. Оно тянулось вдоль земли и напоминало мясную прослойку в гигантском куске старого, уже слегка пожелтевшего сала, которым в былые времена так любили приторговывать украинские гастарбайтеры.

– Мы оказались там, где вошли? – я перевел взгляд на Лешего и, не дожидаясь его ответа, выдвинул свою собственную гипотезу: – Там Земля, дом. Этот человек просто хотел вернуться!

– Чего тут гадать? Идем, посмотрим, – в тоне подполковника ФСБ не слышалось и намека на согласие.

По мере приближения к красной границе туман все редел. Это было чертовски приятно – прозреть, из беспомощного близорукого слепца вновь превратиться в нормального, полноценного человека, который способен заранее разглядеть врага, а затем вогнать в него полдюжины разогретых кусков стали. Однако пока ничего подобного нам делать не требовалось. Станным образом враги куда-то запропали. Все, что

открывалось взгляду, так это вереница горящих высоко над землей красных огней.

– Срань господня! – прокомментировал увиденное Леший. – Совсем не то, что было на входе в туман.

«Не то», это было мягко сказано. Из тумана выступили какие-то диковинные металлические конструкции, своим видом напоминающие то ли рухнувшие с небес космические города, то ли занесенные пылью скелеты исполинских доисторических чудовищ.

Подумав о монстрах, я сразу вспомнил одну читанную еще до войны книжонку. В ней после «веселого» термоядерного междусобойчика выживший народ переселился в метро, на поверхность выбирался крайне редко, да и то в полной химзащите. Так вот автор этой истории просто обожал величать московские многоэтажки циклопическими. Я тогда читал и все думал, почему циклопические? Глаз он что ли у них разглядел? Циклоп-то потому и циклоп, что одноглазый. Зато здесь и сейчас определение «циклопический» подошло бы как нельзя лучше. Этих самых циклопов впереди было полным полно. Они выстроились длинной, можно сказать бесконечной шеренгой и все как один наблюдали за нами своими кровожадными кроваво-красными глазищами.

– Да уж, – протянул я, ежась под этими холодными ненавидящими взглядами. – Выходит, ошибка вышла. Там впереди вовсе не Земля.

– Так куда же шел этот... – Загребельный осекся, так и

не договорив. – Гляди! Вон он! – Произнося это, подполковник протянул руку и указал на небольшой темный холмик, расположившийся как раз у первой линии пугающих своей мощью и размерами металлических конструкций.

– Подойдем поближе, – скорее приказал, чем предложил я.

– Давай подойдем, – согласился Леший, но сразу же поспешил предупредить: – Только осторожно. Что-то тут не так. Нутром чую.

Хваленое чутье подполковника ФСБ спасало нам жизнь, причем не раз и даже не два, а посему к нему следовало относиться очень даже серьезно.

– Ты заметил что-то особенное, подозрительное? – сделав шаг вперед, я покосился на Андрюху. – Докладывай, подполковник!

– Тело все чешется, – чекист шел рядом и с подозрением оглядывался по сторонам.

– А может, тебе помыться? – в памяти всплыл старый анекдот, но сейчас он не вызвал даже тени улыбки.

– Ха... Ха... Ха... – пробубнил Леший, и рожа у него в этот момент была ничуть не веселее моей. – По-моему здесь какое-то поле. – ФСБшник наморщил лоб, прислушиваясь к своим ощущениям.

– Ничего не чувствую, – я отрицательно покачал головой.

– Странно, – Загребельный передернул плечами, как будто его и впрямь что-то очень беспокоило.

Я подумал, что так оно и есть, потому как Андрюха сразу стал какой-то дерганый. Его внимание все более рассеивалось, а мысли блуждали черт знает где. Хорошо, что эта невесть откуда взявшаяся смесь чесотки с лихорадкой пока не перекинулась на меня. Полковник Ветров по-прежнему оставался в норме, благодаря чему он и смог заметить, вовремя среагировать...

– Стой! – я молниеносно вцепился в разгрузку вырвавшегося вперед приятеля и с силой рванул его назад.

Именно в этот момент я и почувствовал... Это походило на удар током. Причем не просто кратковременный удар, после которого сгорают предохранители и выбивает пробки. Складывалось впечатление, что в каждый орган, в каждую клеточку моего тела воткнули крошечный электрод, а затем с садистским наслаждением стали подавать на него пульсирующий, то и дело меняющий свою силу электрический ток.

– Ты чего? – Леший удивленно вытаращился.

– Дальше нельзя, – я отдернул от приятеля руки и в тот же миг почувствовал облегчение.

– Почему нельзя?

– У него головы нет, – прохрипел я на выдохе.

– У кого? – до Загребельного доходило подозрительно туго.

– Очнись, дурак! У него!

Я хотел схватить Андрюху за рукав и развернуть к расprostертому на земле телу, до которого мы не дошли все-

го каких-то семь-восемь шагов, да передумал. Хватит с меня этого проклятущего электрофореза. Так что все, на что я сподобился, было просто ткнуть стволом «калаша» в сторону трупа.

– Головы?

Подполковник ФСБ наконец очнулся от накатившего на него затмения. Загребельный развернулся к покойнику и стал внимательно, естественно, насколько это позволяло разделявшее нас расстояние и все еще не до конца рассеявшаяся грязно-желтая пелена, его изучать:

– Да, башки точно нет. И крови, между прочим, тоже. Тут ее уже целая лужа должна была натечь, – таковы были первые впечатления чекиста.

– Спеклась она, – я пояснил то, что понял практически сразу. – Ему сожгло голову. Вон гляди, все плечи и спина до самых лопаток обуглены.

Существо, которое мы разглядывали, а человеком его называть язык как-то не поворачивался, лежало на животе, широко раскинув руки. Было оно одето в синие армейские трусы и дырявую, тоже армейскую майку-тельняшку. Вся эта нехитрая одежонка оказалась сплошь заляпана какими-то подозрительными темными пятнами и потеками. Явно не кровь, а что-то менее плотное, дающее после высыхания омерзительный жирный блеск.

Даже с такого расстояния было видно, что структура тела этого несчастного претерпела серьезные изменения. Грудь-

ная клетка невероятным образом сжалась, придав мужчине сходство с грушей. Руки и ноги превратились в тощие плети. Сквозь серую кожу на них отчетливо проступали длинные жгуты жил и крупные булдыжки суставов.

– Он тут совсем недолго лежит, – прервал мои наблюдения Леший. – Часов десять, может чуток поменьше.

– И ты бы рядом лег, кабы не я, – С Андрюхой явно творилось что-то неладное, а потому и соображал он как-то не очень... В связи с этим мне пришлось самолично «разжевывать» свою мысль: – Это он не сам себя так приложил. Долбануло его чем-то и, похоже, сверху.

Загребельный медленно поднял взгляд на ближайший из исполинских металлических скелетов, на вершине которого извивался и бился кокон малиново-алой плазмы.

– Думаешь оттуда? – подполковник кивнул в сторону зловеще выглядящего устройства.

– Скорее всего, – я пожал плечами. – Ты же не хочешь сказать, что тут пролетал вертолет из которого по этому бедолаге и пальнули?

– Как же тогда пройти? – Похоже, этот вопрос Леший задал самому себе, задал и тут же сам на него ответил: – Надо поглядеть как эта штука работает. Вблизи поглядеть. Так что я пожалуй пойду, а ты внимательно следи за тем, что будет происходить.

С этими словами Андрюха медленно двинулся вперед, и я понял, что этот долбанный придурок задумал поэкспери-

ментировать на своей собственной шкуре. Нет, ну точно – псих ненормальный!

Примерно это, только в более цветастых выражениях я ему и собирался объяснить, да не успел. Неожиданно на глаза попался вещмешок Загребельного, и дыхание сразу перехватило. Да какое там перехватило! Прямо таки сперло, как будто в легкие сыпанули пару кило тяжелых и колючих железных опилок.

– Стой! – только это и смог я выдавить из себя.

Леший не услышал и продолжал настырно топать по направлению к обезглавленному труп.

– Назад! – заорал я во всю силу своей пересохшей глотки и кинулся вслед за другом. Почему-то я был уверен, Андрюха не остановится, не обернется. Накатившее на подполковника наваждение не позволит тому сделать ни первого, ни второго.

Во время этого отчаянного броска взгляд мой был намертво прикован к спине ФСБшника или вернее к его вещмешку. Чертовщина, которую я заметил в самом начале, не только не прекращалась, она нарастала со скоростью цепной реакции. Под выцветшей зеленой тканью вещмешка разгорался настоящий костер. С каждым шагом Загребельного сгусток этого алого, словно кровь, пламени становился все крупнее, все больше хищных красных молний пробиралось наружу сквозь плотную парусину.

К тому моменту, как я нагнал Лешего, уже весь его веще-

шок пылал, будто в него до краев налили расплавленного металла. Казалось, протяни я еще хоть самую малость, позволю Андрюхе сделать хоть один единственный шаг, и произойдет ужасное, непоправимое. Именно поэтому, не теряя ни секунды, не думая о последствиях, полковник Ветров скрюченными пальцами вцепился в одну из лямок на плече друга.

Наверное, в этот миг должен был последовать удар. Тот самый удар, той самой странной энергии, что я ощущал, когда останавливал Андрюху в прошлый раз. Готовясь получить его, я инстинктивно напрягся.

Хорошо, что я оказался готов. Шибануло так, что старый танкист отлетел метра на полтора, но, к его чести будет сказано, «заветную» лямку все же не отпустил. Так что Загребельного, не взирая на габариты и вес, крутануло словно девчушку-фигуристочку, которая по глупости решила выполнить какой-то там тройной аксель, так до конца и не освоив одинарный. Однако, как оказалось, отечественное ФСБ всякими там акселями или тулупами не возьмешь, ни тройными, ни даже четверными. Оно с некоторым усилием, но все же устояло на ногах, хотя и потеряло свой гребанный вещмешок, «счастливым» обладателем коего стали, конечно же, российские бронетанковые войска.

В отличие от Загребельного, чей мозг все еще пребывал под таинственным наркозом, танкист Ветров сразу осознал – ситуация хуже некуда. И дело тут даже не в том, что поклажа Лешего уже практически перестала существовать, превра-

тившись в маленькое солнце на двух зеленых лямках. Дело было в том, что весь окружающий мир наполнился какой-то странной гудящей и дребезжащей энергией. Пространство напряглось как струна, грозя вот-вот взорваться, лопнуть и расползтись по швам. И детонатор к этой бомбе, нож к этой невидимой ткани находился именно в моих руках.

Максиму Ветрову как-то совсем не улыбалось оказаться в самом эпицентре жуткого катаклизма, а потому он размахнулся и что есть силы зашвырнул вещмешок куда подальше. Конечно же, специально направление я не выбирал. Но только так уж получилось, что это самое «куда подальше» оказалось прямо в сторону обезглавленного, распростертого на земле труп.

Вещмешок еще парил в воздухе, когда в него ударили сразу три ослепительных малиновых молнии. Они вылетели из зловещих красных огней, тех самых, что словно жутковатые призрачные маяки сияли на вершинах изогнутых металлических мачт. Глядя на это, я весь сжался ожидая взрыва, в результате которого рюкзак Загребельного сторит во мгновение ока, а может разлетится на сотни мельчайших, пылающих как искры фейерверка клочков.

Вот только ничего подобного не произошло. Смертоносные молнии словно приклеились, намертво прикипели к вещмешку. Они потянулись за ним, а когда скарб Лешего грохнулся в серо-желтую пыль, превратились в три извивающиеся, рассыпающие мириады искр пуповины, соединяю-

щие... Цирк-зоопарк, кого с кем? В какой-то миг мне показалось, что все изменилось, поменялось местами. Теперь вовсе не исполинская защитная система пыталась испепелить нарушителя, теперь он сам перешел в наступление и стремился поджарить вконец оборзевших обидчиков. Или нет, скорее он желал выпить, высосать их силу, как маленький прожорливый вампир высасывает кровь поверженного им великана.

Что именно вторая из моих догадок и оказалась ближе всего к истине, мы с Андрюхой смогли убедиться уже буквально через несколько секунд. Висящие высоко в небе красные огни стали тускнеть, а затем один за другим гаснуть.

Два, четыре, семь, десять... Именно, когда потух десяток красных глаз и от их всевидящего ока освободилось с полкилометра гигантского периметра, произошло воистину невероятное событие. Прямо позади металлических ферм и колон разверзлась огромная дыра, через которую нашим глазам открылось... А вот то, что открылось, так это еще следовало понять, в это еще требовалось поверить.

Глава 6

Леший схватил меня за отворот телогрейки и рванул так, что едва не оторвал от поверхности земли.

– Бегом! – гаркнул он. – Бегом, пока не включились!

Даже не смотря на растерянность, можно сказать ошарашенность от всего только что произошедшего до меня дошло, что именно Андрюха имеет в виду. Конечно же, это он о проклятых плазменных шарах, что ядовитыми приторно-малиновыми ягодами висели на гигантских кустах из пыльного серебристого металла. Мы оба чувствовали, что еще минута-другая, и они вспыхнут вновь. Что произойдет потом, одному богу известно. В худшем случае мы повторим судьбу нашего во всех смыслах безголового предшественника, в лучшем – так и останемся по эту сторону барьера, бродить в тумане и пыли до тех пор, пока не нарвемся на какую-нибудь неприятность или попросту не издохнем от жажды и голода.

– Давай! – выдохнул я и со всех ног припустил в сторону только что открывшегося портала.

Пробегая рядом с расprostертым на земле трупом, я увидел вещмешок Лешего. Он перелетел обезглавленное тело метра на два-три и сейчас валялся в пыли, исходя белесым дымком, будто неразорвавшийся крупнокалиберный снаряд.

Наверняка именно эта необычайно яркая ассоциация с чем-то взрывоопасным и смертоносным и заставила меня

шарахнутся в сторону. Что касается Загребельного, то этот псих не только не отвернул, а еще и нагнулся за своей поклажей.

– Брось придурок! – во всю глотку завопил я. – Убьет к чертовой матери!

Упертый ФСБшник не послушал. Он ловко подхватил свое имущество и прорычал в ответ:

– Ага... Как же... Брось... Тут жратвы на три дня!

О том, во что теперь превратилась эта самая жратва Леший видать не подумал. Вот дубина! Куда только подевались эти хваленые ФСБшные мозги? Правда, объяснять такие, в общем-то несущественные сейчас детали у меня не имелось ни малейшей возможности, да и желания. Хочет Андрюха тащить бесполезное оплавленное железо с утонченным ароматом начисто выгоревшей тушенки... хрен с ним, пускай тащит и наслаждается. Только пусть делает это быстрее, как можно быстрее!

Потратив всего долю секунды, чтобы отблагодарить Главного за сохраненную жизнь неразумного сына его, я с криком «За мной!» кинулся бежать. Бежать! Сейчас требовалось только это, а все споры и разговоры... потом. Всё потом!

Когда, топая, храпя и вздымая клубы грязно-желтой пыли, мы как взмыленные кони промчались под огромными конструкциями периметра, это показалось едва ли не чудом. Цирк-зоопарк, а почему едва ли? Оно и есть, самое настоящее натуральное чудо. Ведь возводили защитный кордон не

олухи какие-нибудь, вот в чем, в чем, а в этом я был совершенно уверен. А мы просто так взяли и с ходу...

Я отдувался после неистового бега и припоминал, как у нас вышел такой воистину невероятный трюк. Конечно, помог вещмешок Лешего. Но почему именно вещмешок? И почему именно его?

В общем-то, этими вопросами мой экскурс в прошлое так и ограничился. И я даже не стал искать на них ответа. Причиной тому было будущее. Оно вмиг затмило, буквально стерло все, произошедшее год, день, час, минуту и секунду назад.

Ступив за границу защитного барьера, мы оказались в весьма странном мире... Ином мире. Очень хотелось назвать его чужим, да только вот язык никак не поворачивался. Ведь почти все, что находилось здесь, было нашим, понятным, простым и до боли знакомым. Я подумал об этом как раз в тот момент, когда взгляд скользнул по борту американского авианосца и остановился на решетчатых конструкциях упавшей на него Эйфелевой вышки.

– Ни фига себе! – то ли оглушено, то ли восхищенно протянул Загребельный.

– Да-а-а... – с Андрюхой нельзя было не согласиться.

– Куда это нас занесло? – подполковник ФСБ изо всех сил пытался что-либо понять. – Эйфелевая вышка... Это что ж, с Могиловым перелет получился?

– Тебя только это удивило?

Я даже не посмотрел на друга. Взгляд был намертво при-

кован к бесконечному железному морю, в котором бушевали исполинские волны из железнодорожных и автомобильных мостов, плавучих буровых платформ, огромных портовых кранов, вырванных вместе с фундаментами башен химических и металлургических комбинатов. Целый сектор оказался практически полностью состоящим из громадных океанских кораблей, крайним из которых являлся тот самый американский авианосец. Их здесь были десятки, если не сотни. Искореженные скитальцы морей лежали как попало: часть на борту, часть кверху килем. Некоторые оказались разломлены, словно от удара о землю, другие смяты и навалены один на другой.

Лишь на мгновение представив силу способную сотворить все это, я почувствовал, что покрываюсь ледяным потом. Дабы вконец сломить и подавить, забредших сюда искателей приключений, местные боги дополнили антураж этого места плотным огненно-красным небом. Впервые за последние два года я видел небо без облаков, но не испытал от этого ни малейшей радости. Во-первых, это было чужое небо, абсолютно чужое, а во-вторых, оно оказалось полным гигантских, зажженных где-то на самой линии горизонта, зарниц. Исходивший от них свет ежеминутно озарял бесконечное железное море неверными мертвенными всполохами. После каждого такого разряда, я непроизвольно напрягался, ожидая неминуемого раската грома. Но ничего похожего не происходило. С небес слышался лишь негромкий

треск, который тут же тонул в наполнявшем воздух странном ритмичном биении или лучше сказать ухании. Складывалось впечатление, что где-то очень далеко работает исполинский ткацкий станок. Вот именно он-то, упрямо, настойчиво, безостановочно, и сотрясал весь этот жутковатый непонятный мир.

– Ну вот, забрели к черту в глотку, – выдохнул, стоящий рядом Леший. – Дальше-то что?

Я повернул голову к приятелю и уже было совсем собрался честно и откровенно признаться: «Хер его знает, товарищ подполковник», как вдруг... Вдруг я заметил, что по вещмешку Загребельного, по его крепкой жилистой ручище, которой Андрюха цепко держал свое имущество, проскользнула целая вереница крупных белых искр.

Цирк-зоопарк, неужто опять?! Мой взгляд пулей метнулся назад и вверх, туда, где в багровое небо утыкались изуверченные мутациями кости металлических исполинов. От того, что я там увидел, вмиг стало до усрачки жутко. Примерно на высоте шестнадцатиэтажного дома над землей медленно разгоралась вереница крупных малиновых огней. Пока это были лишь редкие вспышки плазмы, которые словно насаженные на иголку мотыльки бились на тускло поблескивающих серебристых остриях. Но эти биения становились все быстрее и неистовей. И уже скоро, очень скоро мог наступить момент, когда над нашими головами зажгутся и станут выискивать своих жертв ненавидящие, жаждущие крови ог-

ненные глаза.

– Вперед! Бегом марш! – взревел я и со всей силы толкнул Загребельного в спину.

Андрюха даже не подумал выяснять, какая именно опасность нам угрожает. Он просто рванул в сторону месава из железнодорожных вагонов, цистерн и решетчатых опор ЛЭП начинающегося метрах в двухстах от того места, где мы стояли.

– Не туда! – мой крик заставил Лешего притормозить. – Бежим к кораблям!

Почему именно к кораблям? Ответа я не знал. Вернее может и знал, да только позабыл. Осталась только подсознательная, но непоколебимая уверенность, что нам именно туда. Словно кто-то гипнотизировал, шептал на ухо: «Помни о кораблях».

Придавленный Эйфелевой вышкой авианосец и опрокинутый на бок контейнеровоз, на которые я указывал, находились вдвое, если не втрое дальше, того укрытия, что выбрал Андрюха, однако он даже не подумал спорить. Подполковник резко свернул со своего курса и рысью припустил вслед за мной.

– Брось мешок! – проорал я, когда чекист оказался рядом.

– Успеем! Еще не включились! – выдохнул тот.

– Леший, мать твою...! – я успел выкрикнуть лишь первую часть фразы. После этого мой голос, как впрочем и все остальные звуки, потонул в страшном металлическом скре-

жете.

Вначале показалось, что это зов того самого неведомого существа, с которым подружился Серебрянцев. Но я тут же передумал. В отличие от голоса Хозяина леса, в этом звуке не хватало мощи, протяжности и глубины. Оттого он и превращался просто в скрежет, да к тому же перемешанный с грохотом падения увесистых металлических конструкций.

– Где это? – Загребельный стал на ходу поднимать автомат.

– Скорей! – я отбил в сторону ствол его АКСа, который оказался в опасной близости от моей груди. – Оттуда что-то выползает!

Произнося «оттуда» я имел ввиду как раз скопище ржавых цистерн и опор линий электропередач, одним словом то место, куда всего мгновение назад собирался направиться Леший. Хорошо, что я его удержал, потому как именно оттуда, раздвигая и переворачивая многотонные металлические конструкции, катился настоящий водяной сель. Правда не уверен, что водяной. Жидкость, которая крушила все на своем пути, была темно-бурой, почти черной. Она выглядела довольно плотной, если не сказать тягучей. Наверно именно поэтому мне и показалось, что из недр железной горы выбирается настоящий исполинский кракен, наверно именно поэтому я и закричал «...выползает!».

Невзирая на мой приказ, Андрюха остановился и резко развернулся. Его взгляд буквально прикипел к зловещему

темному потоку, который уже успел выплеснуться на пыльную равнину. Зрелище буквально загипнотизировало моего приятеля. Казалось, он даже позабыл о существовании защитного барьера и той опасности, которой мы подвергаемся, все еще оставаясь в его близости.

– Чего застыл?! Ходу! – я схватил Загребельного за рукав бушлата и, невзирая на очередной, ставший уже едва ли не привычным, удар неизвестной энергии, рванул его вслед за собой.

На этот раз здоровяк-ФСБшник даже не сдвинулся с места. Все чего я добился, так это что проклятый вещмешок вывалился у него из руки.

– Угу, – Леший кивнул, похоже одобряя мой поступок.

– Чего угукаешь придурок! Жить надоело?!

Очередной приказ как можно активней шевелить поршнями уже готов был сорваться с моего языка, как вдруг я заметил, что подполковник сунул руку в один из карманов своей выдавшей виды разгрузки и выколупал оттуда серебристый цилиндрок ВОГа-25. Я знал, что у Лешего имеется пара гранат к подствольному гранатомету. Покойный Соколовский поделился, еще перед самым взлетом. Но что Андрюха собирается делать с ними сейчас? На что потратит этот воистину королевский подарок?

Леший буквально тут же просветил меня по этому поводу:

– Эх, люблю взрывать цистерны! Это у меня еще с Одицова. Помнишь поди? – произнося эти слова, чекист ловко

запихнул гранату в подствольник.

– Ты что сдурел?! – выпученными глазами я глядел на то, как Леший целится в ползущий за нами темный маслянистый поток.

– А ну, пригнись! – вместо ответа Андрюха нажал на спуск.

Граната взорвалась у самого основания железной горы. Маленькая тусклая вспышка, которая не в состоянии причинить стальным великанам ни малейшего вреда. Так мне казалось, но все произошло совершенно по-другому. ВОГ словно поджег тягучий бурый поток. В долю секунды по его поверхности пронеслась яркая огненная волна, еще доля – и жидкость вскипела. Третьей фазой стал взрыв, от которого покачнулась сама земля.

Я словно в замедленном кино наблюдал, как высоко в багровое небо взлетают опоры ЛЭП, растерзанные железнодорожные цистерны и объятые пламенем пассажирские вагоны. Впечатляющее надо сказать зрелище, да только с одной крошечной червоточиной. Заключалась она в том, что часть всего этого внезапно вознесшегося в небо металлолома легко и свободно могла приземлиться прямо на наши головы. А это даже не десятки, а сотни тонн! Кто как, а лично я без каски такого не выдержу.

– А-а-а! Не возьмешь! – мне показалось, что именно это прогорланил Андрюха. Хотя я вполне мог и ошибаться. Ведь невероятно трудно что-либо понять и расслышать, когда не

чувствуя под собой ног, хрипя и вопя несешься на перегонки со смертью.

Мы успели преодолеть всего метров двадцать, когда позади, точно на том месте с которого Леший вел огонь грохнулся и глубоко зарылся в землю огромный дымящийся тепловоз с красно белой, взятой в рамочку аббревиатурой «DB» на борту. Нам с Андрюхой удалось устоять против горячей ударной волны, прокатившейся по округе после взрыва, но этот новый, чудовищный по своей силе удар... От него мы покатались по земле словно два сухих, вырванных с корнем перекасти-поля. Рядом обрушивались тонны пыли, песка и щебня, среди которых, в качестве особого персонального привета двум безбашенным путешественникам, грохали о землю, куски металлической обшивки, тепловозные пружины и колеса.

Когда все закончилось, я долго не мог поверить, что жив. Еще большим чудом казалось, что невредим. А невредим ли? Быть может, какое-нибудь увесистое колесо уже прокатилось через полковника Ветрова и как ножом отпанахало ему ноги или руки? Тогда почему нет боли? Или она придет, опалит огнем каждую клеточку многострадального тела, стоит лишь только пошевелиться?

Я сделал над собой усилие, переборол страх и действительно пошевелил рукой. Работает. И вроде особо ничего не беспокоит, если конечно не считать легкого жжения в надсаженных костяшках и ноющей боли в недавно переломан-

ном пальце. Эх, Леший, падлюка... что называется, удружил! Воспоминание о друге, словно гром прогрехотало в моем мозгу. Стоп! Леший! Цирк-зоопарк, где он?! Что с ним?!

В миг, позабыв о себе, я рванулся вверх и попытался встать на четвереньки. Со шлемофона посыпались струи пыли и песка, и мне пришлось хорошенько помотать головой, проморгаться и проплеваться, чтобы прочистить рот и глаза. Когда же, наконец, это удалось, я практически сразу увидел Андрюху.

Радость моя не имела границ. Загребельный был жив. И не только жив, он уже принял пока не устойчивое, но все же вертикальное положение.

– Автомат... – прогудел он своим зычным басом.

Автомат. Близкое и родное слово мигом произвело на оружейника должный эффект и он стал оглядываться вокруг себя в поисках верного «калаша».

АКМС нашелся практически сразу. Он висел у меня на груди, а потому проделал вместе со своим владельцем большую часть кульбитов и переворотов. С шеи оружие свалилось, должно быть, лишь в самый последний момент.

Еще не достаточно окрепшими руками я вцепился в автомат, поднял его и, отряхнув, продемонстрировал Лешему. Вот, мол... Видишь? К бою готов!

– Мой автомат... – Андрюха обреченно поглядел куда-то в сторону.

Я проследил за его взглядом и увидел изогнутый ствол

с дульным тормозом-компенсатором, торчащий из небольшого песчаного холмика. С другой стороны этой неглубокой могилки виднелся кусок смятой ствольной коробки с разбитой рукоятью и погнутым прикладом.

– Накрылся твой автомат, – я со знанием дела констатировал смерть безотказного стального друга.

– Хреново без автомата, – чекист болезненно скривился.

– У тебя ведь пистолет остался, – я кивнул на торчащую из-под разгрузки кобуру с «Грачем».

– Утешил, – Леший горько хмыкнул.

Я беспомощно пожал плечами и стал потихоньку подниматься на ноги. Оно и верно, пистолет сейчас – вещь практически бесполезная. Из нее можно лишь в случае чего застрелится. Основных же наших противников эта штука не возьмет, разве что будешь стрелять в упор и в голову. Правда если такая тварь как белый скорп или хотя бы все тот же наездник подберется так близко, тут уже все, кранты... Хрена лысого ты успеешь нажать на спусковой крючок.

От хищников ниточка рассуждений сама собой переметнулась к другим, куда более грозным, а главное донельзя актуальным опасностям. Если о взрывоопасном буром потоке пока можно было позабыть, то защитный периметр никуда не подевался, он по-прежнему находился рядом, ежесекундно угрожая свести с нами счеты. Да, именно так оно и было. Пробитая брешь затянулась и высоко над землей вновь засияла цепочка зловещих плазменных шаров.

Однако как не зол был периметр, дотянуться до нас он уже не мог. Совершив свой очумелый спурт, мы все же успели переступить ту невидимую черту за которой тандему Ветров-Загрибельный даровалась неприкосновенность и безопасность. Временные неприкосновенность и безопасность... только лишь временные. Прекрасно понимая это, мы с Андрюхой переглянулись.

– Видал, как рвануло? – Леший мотнул головой в сторону зарывшегося в землю тепловоза и дальше, туда, где всего несколько минут назад бушевало огненное море.

– Это та самая дрянь, что уничтожила вертолет, – прохрипел я, ощущая немилосердный укол в сердце.

– Очень похоже, – чекист кивнул.

– Получается, она живет и здесь, и там... то есть, в нашем мире.

– Ты видел что-нибудь подобное раньше? – Загрибельный начал было оглядываться по сторонам, но в ожидании ответа, задержал свой взгляд на мне.

– Зачем спрашиваешь? Ведь знаешь, что нет.

– Тогда будем считать, что эта штука встречается здесь и у границы нашего мира.

– Не велика разница, – я поднял автомат и стал выдувать из него пыль. Теперь это была не столько привычка, сколько инстинкт: привести в порядок оружие, а все остальное – уже как получится.

– Разница есть, – Андрюха вернулся к осмотру местно-

сти. – Но об этом потом. Сейчас надо уходить. А то на шумели мы тут, дай боже!

– Согласен, давай уходить, – пошатываясь, я стал разворачиваться в сторону лежащего на боку контейнеровоза.

– Как ты догадался? – Леший задал вопрос уже практически мне в спину.

– О чем? – я нехотя оглянулся.

– О том, что эта бурая дрянь притаилась именно под цистернами.

– Ну-у-у.... собственно говоря... – мне нечего было рассказывать другу. – Никак не догадался. Просто нам в другую сторону.

– В другую?

Загребельный пошатываясь подошел ко мне, стал рядом и не мигающим взглядом уставился в сторону, контейнеровоза, авианосца и прочих океанских колосов. Правда глядел он совсем не на огромные металлические борта и надстройки, а скорее сквозь них. Спустя минуту подполковник ФСБ ознакомил меня с результатом своих размышлений.

– Ты думаешь, дорога на Могилев... – Леший запнулся и тут же поправился. – На то, во что превратился Могилев, именно там?

– Помни о кораблях, – протянул я вместо ответа. – Как ты думаешь, это может быть подсказкой?

– Чего? – не понял Андрюха.

– Помни о кораблях, – вновь повторил я. – Кто-то, ко-

гда-то мне об этом уже говорил или...

Я так и не закончил фразу. В голове что-то щелкнуло, переключилось, и совершенно неожиданно перед мысленным взором появилась четкая, написанная то ли кровью, то ли краской надпись. Да... Так и есть... Всего неделю назад я прочел ее на стене подъезда, когда спускался с крепостной стены Одинцовского поселения, того самого, что доживало свои последние, даже не дни, а часы. «Помни о кораблях» написала чья-то неведомая рука. Написала, чтобы увидел я, именно я. Сейчас в этом не было никаких сомнений. Почему? Да потому, что именно эти три слова, словно дремавшая до поры до времени программа, сработали в моем мозгу, и спасли нам жизнь.

Кто написал их? Сам собой напрашивался ответ – Главный. Это он не пожалел своей крови. Это он оставил послание, предупредил и направил. Кстати, и рука у ханха была порезана. Глубоченный такой порез!

Я уже собирался зачислить себе в актив разгадку пусть невесть какой, но все же тайны, но тут вдруг подумалось: а ведь если принять во внимание сроки всех последних событий, то ничего не выходит. В тот день, когда мы откапывали БТР, Главный, судя по его словам, находился на «Облаке» и еще не обзавелся человеческим телом. А сие значит, что и кровавые следы он оставлять не мог. Ну, никак не мог! Да и потом, когда мы с ним несколько дней провели буквально плечом к плечу, спали рядом, жрали из одного котла... он и

тогда насчет надписи не обмолвился и словом.

После того как все это прокрутилось в голове, стало понятно, что вместо ответа на старую загадку я получил несколько новых. Вот же цирк-зоопарк! Получается, лучше не думать. Лучше тупо переть вперед и надеяться, что жизнь расставит все на свои места.

– Что это ты там бормочешь? – вернувшись к реальности, я вдруг понял, что Леший с подозрением на меня косится. – Никак контузило?

– Да в порядке я. Идти надо.

– Ты точно знаешь, что нам именно туда, в сторону этих кораблей?

– Точно? – я нервно расхохотался. – Ну, ты даешь! Разве тут можно что-нибудь знать точно.

– Согласен, вопрос идиотский, – чекист кивнул. – Лучше было бы так: у тебя есть хоть какие-нибудь соображения по поводу дальнейшего маршрута?

– Соображений нет. Одни ощущения.

– Ну, хоть что-то... – Андрюха стер с лица пыль и кисло улыбнулся. – Лично у меня ни первого, ни второго.

– Потопали, – я крепко стиснул автомат и шагнул вперед.

Прошли мы всего шагов десять, после которых Загребельный схватил меня за локоть и остановил:

– Гляди! – Андрюха указывал на лежащий чуток левее от нашего маршрута предмет.

Вокруг было разбросано довольно много всякой всячины.

Это и камни, и куски от разбитого локомотива, и еще какие-то непонятные железяки, занесенные сюда неистовством взрыва, поэтому не мудрено, что я не обратил внимания на засыпанный пылью и песком грязный зеленый баул. А вот Леший... Видать он свое имущество чуял, будто кот валерианку.

Вещмешок оказался порван. Из его распоротого брюха в пыль вывалились фляга, консервы, пачки с патронами, на удивление целые и вроде как невредимые. Быть может, памятуя о весьма неприятной особенности Андрюхиной поклажи притягивать к себе убийственные малиновые молнии, мы бы так и оставили ее покоится с миром, но... От одного лишь вида всех этих богатств, ноги сами свернули с дороги.

– Патроны можно не брать, – протянул я, когда два голодных и усталых ободранца остановились над разбросанными по земле банками и упаковками. – «Калаш» твой накрылся, поэтому 5,45 теперь только в очко вставлять.

– Можно и в очко, главное нужной стороной, – ФСБшник отшутился чисто автоматически. Сам же он в это время присел на корточки и пытался аккуратненько, словно мину, подцепить жестянку с кильками.

– Неужто, вас и этому учили? – Настроение было паскудней некуда, однако в том-то и заключается парадоксальная суть бывалого солдата: он сможет позубоскалить даже на своем собственном смертном одре.

– Нас много чему учили, – Леший, наконец, решился и

сгреб банку своей здоровенной ручищей. – Ничего не чувствую. Никакого разряда. – Андрюха поднял на меня слегка недоумевающие глаза.

Мне было нечего ответить, разве что пожать плечами. Именно на середине этого движения, как раз когда мои плечи уже вот-вот были готовы подпереть края шлемофона, я и заметил... По занесенному пылью и песком вещмешку словно ящерка проскользнула юркая белая молния. Я, видать, так и застыл, намертво прикипел взглядом к запыленной и выгоревшей зеленой ткани.

Загребельный сразу засек мой напряг и резко повернул голову:

– Чего там? – чекист никак не мог понять, что именно привлекло мое внимание.

– Надо в мешке поглядеть, – наконец выдавил из себя я.

– В мешке? – повторил Леший, но прежде, чем он даже успел пошевелиться, я наклонился и выдернул из пыли значительно похудевший армейский рюкзак.

Развязывать горловину не имелось ни малейшего смысла, а потому я сразу уцепился за край прорванной ткани. Первый же взгляд в темное пыльное нутро Андрюхиной заплечной сокровищницы сделал воздух в моей груди полностью непригодным для дыхания. Больше того, он затвердел там, превратившись в тяжелый и колючий камень. Именно в таком состоянии, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть, с выпученными от асфиксии глазами я глядел на небольшой тон-

кий диск. Он походил на окно, иллюминатор за которым открывался вид на безбрежный и бездонный космос. Именно в нем, словно уносящаяся вдаль комета медленно пропадал, тонул свирепый ярко-малиновый смерч.

Глава 7

Укрывшись среди сплетения огромных стальных балок, я пытался сосредоточиться и добросовестно выполнять обязанности наблюдателя-тире-часового. Вот то-то и оно, что пытался! Леший ушел, и Максим Ветров тут же оказался наедине с самим собой, со своими мыслями. Не веселыми, прямо сказать, мыслями. Я до рези в глазах всматривался в доверенный мне под охрану и оборону участок, но вместо него видел лишь призрачные лица своих навсегда ушедших товарищей, лицо Лизы. Чувство вины перед всеми ними, перестало ощущаться ноющей старой раной, теперь оно обжигало и душило словно густые пары концентрированной едкой кислоты. И это было настоящей мукой, болью на которую не действуют обезболивающие, ядом без противоядия. В чем же заключалась моя вина? Да хотя бы в том, что остался жив! Значит, где-то я сплоховал, что-то проглядел, чего-то не понял и не почувствовал. Смерть солдат всегда остается на командире. А если он уцелел, пережил всех своих людей, то эта тяжесть возрастает многократно, становится просто невыносимой. Хоть пулю в висок!

Подумав об этом варианте, я и впрямь покосился на свой АКМС. А что? Наклонить голову, сунуть ствол себе в рот и надавить на спуск. Только резко надавить, чтобы не струсить и не передумать. Бах! И все. Конец. Всему конец! Только вот

жаль ствол весь перемажется: кровь там, слюни, сопли, мозги... Леший потом задолбается оттирать. А ведь без автомата ему никак...

Дойдя до этого места, меня передернуло, как от удара электрического тока. Ветров, ах ты тварь позорная! Как тебе только такое могло в башку взбрести?! Застрелиться! Да ты, червь помойный, еще до того как издохнешь превратишься в мерзкую гниду, в предателя. Ты предашь всех, и живых, и мертвых, а главное своего единственного друга. Ведь в одиночку здесь не выжить, в одиночку здесь просто сойдешь с ума.

Тут я понял, что именно это сейчас со мной и происходит. Полчаса в одиночестве и вот тебе, пожалуйста – настоящий психоз. А что будет дальше? Жутко даже представить. Скорей бы уж Андрюха возвращался. А то копается там...

И вдруг накатил новый страх. Куда запропал Леший? Жив ли? Не сотворил ли я глупость, позволив ему уйти одному, причем почти безоружному? От этих мыслей все мое тело сковал ледяной холод. Цирк-зоопарк неужто опять просчет, мой просчет и моя вина?!

Именно в этот момент я и услышал доносящееся сверху шарканье и ритмичные гулкие удары о металл. Сомнения не было, кто-то спускался по огромным фермам униженного, низвергнутого до уровня обычного металлолома творения Эйфеля. Рефлексы сработали куда быстрее чем разум, а потому ствол «калаша» мигом вздернулся к быстро темнеюще-

му, уже вовсе не красному, а скорее грязно-бордовому небу.

Я выжидал до тех пор, пока ясно не разглядел знакомую мощную фигуру в потертом камуфляже, и только лишь после этого опустил оружие.

– Пусто. Нету нихрена. – отдуваясь, прогудел подполковник ФСБ, когда, наконец, добрался до моего укрытия.

– Что совсем никакого оружия? Ведь целый авианосец! – засомневался я.

– Ни оружия, ни жратвы. – подтвердил чекист. – Только вот это.

Загребельный добыл из разгрузки слегка помятую пачку «СAMELa» и швырнул ее мне. Я словил трофей и жадно впился глазами в знакомый рисунок. Горбатая лошадь, три лопуха и куча песка на заднем плане. Шедевр! Смотрел бы и смотрел, причем по двадцать раз на день.

– Теперь живем! – из груди строго заядлого курильщика, который уже давным-давно не вдыхал ничего, кроме смрадного дыма пожарищ, вырвался восхищенный вздох.

– Не уверен, что пачка курева стоит того времени, что я проторчал внутри. – Андрюха однозначно намекал, что нам следует поторапливаться. – Кстати, как тут в округе?

– Вроде тихо.

Я в который раз просканировал местность взглядом. Сейчас мы находились с противоположного борта боевого американского монстра. Ни периметра, ни развороченного взрывом парка железнодорожных вагонов отсюда видно не

было. В поле зрения попадали лишь два соседних корабля: лежащий на борту сухогруз с желтой полоской на трубе и разломанный пополам наливник, из танков которого вылилось и благополучно впиталось в сухой грунт тонн так триста сырой нефти.

– Это хорошо, что тихо. – Леший последовал моему примеру и тоже оглядел местность. – А то нам еще убежище на ночь искать.

– Давай в авианосце заночуем. Стоит прочно, правильно, так что не придется по стенам ходить. Опять же лесенка на него имеется. Не хилая такая лесенка. Хрен столкнешь. – При этих словах я похлопал ладонью по огромной стальной балке, крохотному элементу в железной паутине сплетенной незабвенным мсье Эйфелем. – Кстати, НП здесь получится тоже не хилый. Ночки в этих краях, я так понимаю, ох какие темные. А тут периметр светится. Не прожектора, конечно, но все же лучше, чем ничего. Да и любопытно, последует какая-нибудь реакция на весь тот шурум-бурум, который мы тут учинили.

– Не пойдет, – Андрюха отрицательно покачал головой.

– Почему?

– Все это, конечно хорошо и дюже как завлекательно, но есть одна тонкость: на авианосце дверей нет. Ни одной. Представляешь, все выломаны. Как герметичные в переборках, так и те, что просто ведут в каюты.

– Выломаны?

– С мясом, – подтвердил мой приятель.

– Не хороший такой фактец, – я скривился. – Искали чего? Или не хотели, чтобы бомжи внутри поселились, типа нас с тобой?

– Вот то-то и оно, – Леший хмыкнул. – Да еще и танкер этот гребаный тут совсем рядом. Хер его знает, что там у него внутри осталось. А мне на сегодня с головой хватит разных там пиротехнических эффектов. Так что с авианосцем, уж извини... экскурсии не получится. Давай поищем что-нибудь попроще.

Подыскать «что-нибудь попроще» следовало как можно быстрее. Теперь уже не бордовые, а скорее бурые сумерки напоздали со всех сторон. Они превращали корабельное кладбище в лабиринт узких темных каньонов, полный гигантских теней и уже плохо различимых, способных оказать чем или кем угодно предметов. Конечно же, по большей части это были механизмы, элементы конструкций или груз, сорванные с палуб океанских гигантов. Но гарантировать, что очередной башенный кран, обломок мачты или изувеченный контейнер, вдруг не превратится в какую-нибудь голодную хищную тварь, конечно же, было невозможно. Вот именно поэтому мы с Лешим и шарахались из стороны в сторону, петляли как зайцы, стараясь держаться подальше от темных мест и разных там подозрительных образований.

Передвигаясь таким Макаром, удалось продвинуться где-то на полкилометра, и хвала Главному, пока без приключе-

ний. Помимо того самого танкера, за спиной осталось еще три корабля. Все три – сухогрузы. Проникнуть на борт мы даже не пытались. Во-первых, близко от наливника, во-вторых, шансы обнаружить там что-либо интересное практически равнялись нулю. Вот если бы на нашем пути очутился военный корабль или круизный лайнер...

Четвертым по счету был старый широкобрюхий лесовоз. Невесть какая находка, но Лешего судно заинтересовало.

– Широкий корпус. Сел очень хорошо, намертво, овер-киля можно не опасаться, – прокомментировал Андрюха свои наблюдения.

– Бог ты мой, слов-то каких нахватался: овер-киль! – пробурчал я себе под нос.

Андрюха не прореагировал на шутку и серьезно продолжил:

– Бревна борт проломили. Вон дыра, как раз в том трюме, что рядом с надстройкой. Вполне можно будет взобраться.

– Все это, конечно плюсы, но честно говоря, особого восторга эта груда металлолома у меня не вызывает, – оглядевшись по сторонам, я озвучил свои ощущения.

– У меня тоже, – сознался Загребельный. – Но до темноты ничего лучшего можно так и не найти.

– Наверное, ты прав.

Я с подозрением покосился на плотное, тяжелое, быстро темнеющее небо. Складывалось впечатление, что как и все вокруг оно тоже сделано из металла, что эта исполинская

крышка, которой на ночь плотно закрывают весь этот мир. Чтобы, значит, не выдохся, не потерял свой ядовитый могильный аромат.

– Давай, двинули, бродяга, – чекист подтолкнул меня в спину.

– Двинули, – мне оставалось лишь согласиться.

Пролом в борту лесовоза оказался довольно большой. Через него наружу вывалились десятка три толстых, уже основательно почерневших сосновых стволов. Большая их часть так и осталась лежать у борта, образуя плотную кучу очень похожую на высокий муравейник. Ясное дело, что это было нам очень наруку. Раскидай бревна по округе, и двум усталым путникам, да еще на ночь глядя, пришлось бы изобретать способ позволяющий дотянуться до заветной дыры. Но Главный миловал и мы осторожно, проверяя на прочность каждое бревно, начали подъем.

В трюме оказалось гораздо темнее, чем снаружи и это не смотря на то, что вся металлическая крыша была сорвана. Сперва я удивился этому факту, но потом подумал, что ничего странного тут нет. Просто смеркается очень быстро. Все таки прав был Леший, когда потащил меня сюда. Лучшее место для ночлега можно было искать еще очень долго, да так и не найти.

– Вон там лестница, – Андрюха указал на переборку, которая находилась слева от нас. – Поднимемся по ней и окажемся...

Где именно мы окажемся, Загребельный так и не успел сообщить. И все потому, что гигантское тело лесовоза сотряс неожиданный толчок. Очень сильный толчок. От него протяжно застонало старое железо и зашевелились, словно ожили, набитые в трюм бревна.

– Берегись! – завопил Леший.

– Что это? – прогорланил в ответ я.

– Похоже на землетря... – начал мой приятель, но захлебнулся окончанием фразы от серии новых, еще более мощных толчков.

Это действительно походило на землетрясение. А раз так, то мы оказались далеко не в лучшем месте, что бы его переждать. Цирк-зоопарк, если это безобразие не прекратится, то либо корабль завалится на бок, либо начнут сползать и катиться бревна. Первое на много хуже, но и второе тоже – далеко не радужная перспективка. Раскатает в блин как в давилъне.

– Уходи от пробойны! Дальше, как можно дальше!

Крик Загребельного вывел меня из оцепенения. Куда это дальше? Балансируя, на ходящих ходуном сосновых стволах, я затравленно огляделся по сторонам. Те бревна на которых мы сейчас стояли действительно грозили вот-вот покатиться к пробитой в борту дыре, однако там, в глубине трюма все еще уцелели пакеты, стянутые толстыми стальными тросами.

– Быстрее! – Андрюха подтолкнул меня как раз в их направлении, но не удержался, потерял равновесие и зашатал-

ся сам.

– Стоять! – я поймал ФСБшника за шиворот и помог устоять на ногах.

– В сторону!

Вместо благодарности Леший прыгнул на меня, и мы вместе отлетели метра на три. Я больно ударился ребрами, взвыл и уже совсем собрался смачно выматериться, как вдруг слышал гулкий, нарастающий с бешеной скоростью стук или рокот. Всего через мгновение после этого, точно через то место, на котором мы только что стояли, прокатились... Да какой там прокатились? Пролетели три здоровенных бревна. Они канули в сумраке пробойны, и буквально тут же оттуда донесся оглушительный треск и грохот.

Даже в такой, прямо скажем, не располагающей к размышлениям ситуации сразу стало понятно, что три этих длинномера, в каждом из которых сидело кубов по тридцать древесины, сшибли, разворотили кучу около борта, ту самую, по которой мы сюда вскарабкались.

Сетовать на трудности, которые теперь обязательно возникнут при спуске, не имелось ни времени, ни возможности. Если уцелеем, то уж как-нибудь спустимся. Только бы уцелеть!

Землетрясение продолжалось. Оно добросовестно перетряхивало все внутренности корабля, заставляло содержимое его гигантского желудка буквально бурлить, кипеть и вставать на дыбы. Жуткое дело, особенно если учесть, что

в состав этого самого содержимого сейчас входили и мы с Лешим.

Однако в отличие от увесистых бревен два упрямых путешественника подчинялись не столько прихотям стихии, сколько своим собственным планам. Наш, прямо скажем, совсем не хитрый план состоял в том, чтобы добраться до относительно безопасного места, и мы его добросовестно выполняли. Мы перескакивали через одни бревна, уклонялись от ударов других и все приближались и приближались к заветному островку стабильности в глубине трюма.

И нам таки это удалось. Леший первым запрыгнул на здоровенный крепко спеленатый тросами пакет, а затем втянул за собой и меня. Обессиленные, задыхающиеся от каскада безумных акробатических упражнений мы упали на столь долгожданный, показавшийся мягче пуховой перины, пакет почерневшего кругляка и замерли. Замерли не столько потому, что отдали все силы борьбе, сколько почувствовав, что вокруг что-то происходит. Неистовые толчки прекратились, зато вместо них появилась какая-то мелкая зудящая вибрация.

– Что-то мне все это не нравится, – проскрипел я прислушиваясь. – Раздавить бревнами нас не получилось, так неужто придумали какую-то другую пакость.

– Кто? – отдуваясь, прохрипел Загребельный.

– Кабы я знал кто!

– Тогда давай вставай и ползи наверх. Живо!

Чекист первым показал пример. Сперва он встал на четвереньки, и лишь потом с немалыми, надо сказать, усилиями принял вертикальное положение. Пошатываясь, мой приятель поплелся в сторону металлической, очень похожей на пожарную лестницы, которая уходила ввысь, будто в само багрово-бурое предзакатное небо. Мне ничего не оставалось, как закинуть автомат за спину и последовать за ним. Вообще-то по большому счету оружие следовало держать наготове, однако я понял, что просто не смогу вскарабкаться вверх пользуясь только лишь одной рукой. Так что, как говорится из двух зол пришлось выбирать единственно возможное.

Руки и ноги работали очень медленно, чего нельзя было сказать о бешено колотящемся сердце. Пот застилал глаза, пальцы скользили на ржавых перекладинах. Удачей являлось лишь то, что лестница оказалась совсем не до неба, как это показалось сперва, а всего лишь до палубы. Именно там мы и очутились ни много, ни мало, а через целую вечность, которую длился весь этот очумелый подъем.

– Пригибайся! – прошипел мне на ухо Леший, когда помогал переползти через край трюма.

– Чего? – мне показалось, что я ослышался.

– Там что-то внизу, так что из-за фальшборта не высывайся.

Внизу? Я не понял откуда Андрюха это взял, но почему-то сразу ему поверил. Чутье у ФСБшника еще то... Звериное,

можно сказать, чутье!

Загребельный первый пополз к правому борту, тому самому, где и располагалась пробоина. Должно быть тоже чутье, – сказал себе я и двинул вслед за ним.

Как я догадался фальшбортом, через который мне как раз и не рекомендовалось выглядывать, оказалось тянувшееся вдоль всего судна ограждение. Оно было сварено из толстого листового металла, который через каждый метр-полтора подпирался мощной стойкой. Что ж, нельзя так нельзя, только вот как выяснить, что там твориться внизу? Как определить, откуда исходит эта чертова вибрация?

Решение проблемы отыскалось очень простым. Я и Леший, не сговариваясь, распластались на палубе и разом припали к узким прямоугольным прорезам, сделанным в нижней части фальшборта. Как видно они были предназначены для стока воды перехлестнувшей через борт во время шторма. Само собой, через эти амбразуры панорама выглядела несколько обрезанной, да и стемнело уже порядком, однако даже в таких условиях мы смогли разглядеть ЭТО.

С той самой стороны, откуда мы только что пришли, текли два темных бурлящих ручья. Они, то сходились, то расходились, то пересекались, то сливались в один яростный поток. Жидкость в них была тягучей, но вместе с тем невероятно подвижной, отчего сразу складывалось впечатление, что по нашему следу отправились две гигантские черные анаконды. По нашему следу? Я подумал об этом и сразу же почувство-

вал, как у меня противно засосало под ложечкой.

— А ведь это по нашу душу, — Загребельный будто прочел мои мысли.

— Выходит, попали... — прошипел я в ответ. — Сейчас подползут под борт и поджарят нас к чертовой матери.

— Не каркай! — вызверился на меня чекист. — Может пронесет. Может не почувят.

— Не почувят? Да они по следам идут. Ты что не понял?

— То-то и оно, что наши с тобой следы больше не приближаются к судну. Всю пыль внизу бревнами переколошматили.

Вдохновленный словами приятеля, я сразу поглядел на то место, с которого мы начинали подъем на корабль. Вернее попытался это сделать. Большая часть завала находилась под самым бортом и попадала в мертвую зону, не доступную для обзора. Однако даже по тому обрезку картинки, который все же оставался на виду, становилось понятным — Андрюха прав. Бревна действительно укатились далеко от борта, а одно из них тяжелым катком прогромыхало прямо нашим следам.

Именно к этому самому бревну уже через мгновение и подкрались два мрачных чудовища, два исчадия ада. Они обошли, или правильней будет сказать, обтекли его с двух сторон, затем соединились и стали быстро образовывать небольшое озерцо. Правда, озерцом оно оставалось очень недолго. Спустя всего несколько секунд здоровенный сосно-

вый створ оказался плотно оплетен десятками толстых щупалец, в которые трансформировалась жидкость, а еще через секунду тело гигантского спрута полыхнуло ярким огнем, и прогрехотал мощный взрыв. Мы находились метрах в сорока от места инцидента, но, тем не менее, оказались под дождем обугленных щепок и пылающих капель тягучей темно-коричневой жидкости.

– А бризантность у этой штуки, что надо, – прорычал я, страхивая с себя жгущиеся и дымящиеся доказательства того, что все произошедшее нам не привиделось.

– Дьявольщина, только бы другие бревна не занялись! – выругался Леший и на четвереньках пополз к краю трюма.

Если займутся, это будет самой меньшей из наших проблем, – подумал я, когда взглянул за борт и увидел еще один черный ручей, стремительно приближающийся к лесовозу. Казалось, он тек прямо к нам, даже не к нам, а ко мне. Казалось, он знал, что полковник Ветров укрылся именно за этим местом фальшборта и новый взрыв вышибет его оттуда как пробку из бутылки.

Однако все мои страхи оказались только лишь фантазиями человека повстречавшегося с чем-то неведомым. Не могла эта дрянь знать, что мы прячемся на палубе корабля... ну никак не могла! Такое мое решение и впрямь будто изменило ход событий и черный ручей, добравшись до участка, где самоотверженно покончили с собой два его собрата, остановился. Затем он сделал медленный круг, тем самым заклю-

чая место недавнего взрыва в черное, тускло поблескивающее в предзакатных сумерках кольцо.

– Порядок, лес оказался не такой сухой, как я думал, – пробасил Загребельный где-то у меня за спиной.

– Тише ты, тут еще один нарисовался! – я обернулся и цыкнул на приятеля.

– Еще один? – подполковник сразу поскуучнел. – Да откуда эта зараза только берется?!

Ответ на вопрос Загребельного последовал незамедлительно. Палуба под нами загудела, завибрировала, заходила ходуном. Вслед за этим из-за борта послышался громкий глухой грохот или лучше сказать треск, как будто лопнула, раскололась сама земля.

Вообще-то так оно и было. В полусотне метрах от корабля в пыльном грунте образовалась крупная трещина. Даже несмотря на сгустившиеся сумерки, ее было отчетливо видно. Этакая страшная черная рана на иссохшем теле умирающей матери-земли. Казалось, что вот-вот из нее хлынет такая же черная гнилая кровь. Однако вышло все наоборот. Темный маслянистый ручей, присутствие которого нас столь напрягало, устремился к разлому и пролился в него небольшим водопадом. На удивление абсолютно бесшумным водопадом. Тягучая жидкость уносилась в бездну с такой бешеной скоростью, что мысль о воздействии земной гравитации даже не возникала. Темный поток толкало что-то иное, какие-то внутренние, таящиеся в нем самом силы, словно эта

штука и впрямь была живая.

— Под землей она живет, — Леший подтвердил мои ощущения и высказался о непонятном, да к тому же весьма взрывоопасном феномене, как о живом существе.

— Хреново, — я задумчиво глядел, как иссякает черный ручей. — Значит, эта дрянь может оказаться где угодно. А когда заметишь, будет уже немножко больно.

— Ну-у-у, может все не так печально, — обнадежил Андрюха. — Полагаю, о ее приближении может предупредить вибрация.

— Вибрация... — повторил я. — Что ж, может как раз она и есть та сила, что толкает поток вперед. А что толкает, так это коню понятно. Видал, поток ведь не по низинкам течет, а прет напрямик, через наносы песка и возвышенности. При чем шустро так прет.

— Вот и нам тоже, пошустрей надо, — Загребельный вдруг резко изменил тему разговора. — Еще полчаса и тут будет темно как у негра в жопе.

— Уважаю, за красоту слога, и образность мышления, — я кисло улыбнулся и с кряхтением стал подниматься на ноги.

На ночлег мы расположились в каюте капитана. Повезло, что фонарик в моем вещмешке, хоть и остался без стекла, но все же продолжал исправно светить. Именно с его помощью мы и осмотрели камбуз, медицинский отсек и каюты экипажа. Ничего интересного и полезного там не обнаружилось: ни еды, ни питья, ни медикаментов. Единственной стоящей

находкой стала маленькая ароматизированная свечка с китайскими иероглифами на белых восковых боках. Складывалось впечатление, что до нас жилые отсеки лесовоза уже основательно перешерстили. Вот только кто и когда? Этого мы, скорее всего, уже никогда не узнаем, а посему, что называется, забыли и закрыли тему.

Апартаменты капитана привлекли наличием надежной стальной двери и толстых крышек на иллюминаторах. Леший назвал их штормовыми. Что ж, пусть будут штормовыми и уберегут нас если не от шторма, то хотя бы от чужого недоброго взгляда.

Заперев дверь и что есть силы затянув массивные барашки штормовых крышек, мы, наконец, смогли вздохнуть с облегчением. И это вовсе не потому, что оказались в безопасности, просто ничего большего мы предпринять не могли. А значит, стоило расслабиться и покорно встретить наступившую ночь, что бы она с собой не несла.

Глава 8

Ночевка получилась беспокойной. Пару раз вновь трясло, причем не хило так трясло. При первых же позывах приближающегося землетрясения мы с Лешим оказывались на ногах, а затем, вцепившись в привинченную к полу мебель, ожидали, когда мир вокруг перевернется с ног на голову. Но, как говорится, Главный миловал. Несмотря на все перипетии, корабль продолжал стоять ровно и только лишь постанывал своим низким грудным басом. Все это доказывало, что с выбором убежища Загребельный очень даже угадал, о чем я ему и сообщил, причем с искренним уважением и благодарностью. Андрюха принял похвалу спокойно, даже с некоторой задумчивостью.

– Выходит, они не связаны между собой, – прислушиваясь к затихающим толчкам очередного, послужившего нам командой к подъему катаклизма, процедил он.

– Землетрясения и вибрация, – я сразу понял, что имеет в виду мой приятель, так как сам уже неоднократно думал о том же самом.

– Ага, они самые, – подтвердил Андрюха. – Вибрация появляется вместе с этой жидкой дрянью, а вот землетрясение... это что-то совсем иное, более мощное, я бы сказал, глобальное.

– Мне показалось, что толчки происходят через равные

промежутки времени, – заметил я.

Леший подсветил фонарем циферблат своих наручных часов, пару секунд поразмыслил и согласно кивнул:

– Похоже на то. Примерно через каждые пять часов. Хотя точно сказать сложно. Мы ведь пока стали свидетелями всего трех коротких серий.

– Если все продолжится в том же духе, то это будет означать, что землетрясения вызываются искусственно, – я случайно подцепил какую-то ниточку и очень не хотел ее просто так отпускать. – Не бывает в природе таких упорядоченных во времени землетрясений.

– Не бывает, – согласился Леший. Затем мой приятель огляделся по сторонам, как будто стальных стен каюты не существовало и в помине, а посему он мог в полной мере обозреть окрестную диораму. – Что же это за место такое? Почему сюда стащили все железо мира?

– Хрен его знает, – я пожал плечами. – Только мне кажется, что нас сюда специально привели, заманили.

– Это откуда у тебя такие фантазии? – Андрюха пошарил лучом света по столу, отыскал свечку и принялся ее зажигать.

– Кажется, и все тут, – сперва я задумчиво глядел как он щелкает зажигалкой, а затем тихо протянул: – И еще эти корабли гребаные...

– Корабли? – Леший уловил в моих словах нечто недосказанное.

Оно там и впрямь было. Эта история с кровавой надписью... Мое чудесное и такое своевременное прозрение... Все это не давало покоя и требовало разъяснений. Ну, если не разъяснений, то хотя бы чужого независимого мнения. Поэтому неудивительно, что вместо того чтобы полезть в вещмешок и отыскать там банку консервов, я взялся за рассказ.

– Да-а-а, история, – протянул Андрюха, когда повествование подошло к концу.

– А может я того... сгущаю краски, придумываю то, чего нет и в помине? – я вспомнил о завтраке и подтянул к себе вещмешок.

Пока я распутывал лямку и добывал банку свиного фарша, ложку и флягу, Леший подкурил сигарету и погрузился в какие-то свои мысли. Наверняка еще и еще раз прокручивал в своей хитроумной ФСБшной башке мой безумный и абсурдный рассказ. А ведь и впрямь абсурдный! Сейчас, когда я выговорился и немного подостыл, это становилось совершенно ясно. Так что если Андрюха расхохочется и назовет меня конченым придурком, я пожалуй даже не обижусь. Однако вместо издевки Загребельный выпустил струю белого дыма и очень серьезно произнес:

– Отыщи Джулию.

– Чего? – я замер потому, как эта странная фраза подействовала на меня неким, я бы сказал, магическим образом.

– В Троицке, в институте Серебрянцева тоже была странная надпись: «Отыщи Джулию», – пояснил чекист.

Мне не потребовалось уж очень напрягаться и вспоминать. Крупные черные буквы, нанесенные поверх обшарпанной растрескавшейся штукатурки в одном из переходов НИИ, сразу всплыли в моей памяти. Если уж всерьез проводить параллели, сравнивать их с той кроваво-красной надписью из Одинцово, то вроде даже и стиль, и почерк написавшего казались очень и очень похожими. Только вот существовало одно небольшое «но»...

– Ипатич говорил, что тем каракулям уже не один месяц, если не год. Написал кто-то из прохожих, которые тогда еще посещали город.

– Что верно, то верно, – вздохнул Загребельный.

– А почему ты о ней вспомнил? – я пришел в себя и принялся быстро вскрывать консервную банку, которую уже минут пять, как мусолил в руках.

– Имя странное, вот и запомнилось.

– Странное? – я проглотил слюну уж и не знаю отчего, то ли хотелось жрать, то ли курить, а скорее всего и то и другое вместе.

– У нас Джулиями женщин обычно не называют. – пояснил чекист. – А чтобы тут, среди российских пустошей потерялась одна из соотечественниц Крайчека... На это шансов еще меньше, чем на победу всеобщего трезвого образа жизни.

– Да-а... по сто грамм сейчас бы очень даже не помешало, – мои мысли как-то сами собой вильнули в сторону.

– На вот, хряпни, – Андрюха подвинул ко мне слегка помятую алюминиевую баклажку с водой. – Только по сто, не больше. У нас воды две третьих фляги, а потом хоть мочу пей. – Тут Леший невесело хмыкнул: – Учил меня как-то один эксперт по выживанию, холера его заberi! Он это делал, как будто пиво хлестал. Пенку сдул и вперед!

– Если надумал испортить мне аппетит, то не надейся, – я взял ложку, выколупал из банки небольшой кусочек фарша и демонстративно отправил его себе в рот. – М-м-м, тот самый вкус! – на ум сразу пришла фраза из старого рекламного ролика, который когда-то крутили по всем телеканалам.

Ложка у нас имелась всего одна, поэтому заглотив первый кусок я тут же отправил в рот второй, а за ним и третий. Три столовых ложки это оказалось как раз полбанки, то есть вся моя порция. В сочетании с двумя глотками воды это было все, что мой многострадальный организм получит до вечера. Хотя может лужицу какой-нибудь ржавой воды мы и отыщем. Ведь помнится Леший говорил, что бревна в трюме не такие уж и сухие. А это значит, что здесь выпадают осадки. Дожди это вряд ли, но туманы – вполне вероятно. Туманы это даже еще лучше. Далеко не все туманы бывают ядовитыми, так что осевшие на металле капельки влаги можно будет собрать языком. Конечно, о качестве такого питья лучше не думать, но все же это гораздо лучше, чем моча.

– Э, ты что, заснул? – Леший выдернул из моих рук алюминиевый столовый прибор с погнутой ручкой, а взамен всу-

чил наполовину скуренную сигарету. – Поел сам, дай поесть другому.

Я судорожно затанулся, после чего вяло, чисто для очистки совести предложил:

– Погоди, дай хоть ложку вытру.

– Фигушки! – гоготнул подполковник. – Знаю я тебя, танкистская рожа, небось облизать хочешь. Так не дождешься, мне дополнительное питание в связи с ростом положено. – С этими словами Андрюха зачерпнул полную ложку фарша, сунул ее себе в рот, но не проглотил, а стал сосать будто леденец. – Когда провизии с гулькин нос ее надо смаковать, – пояснил он в ответ на мой вопросительный взгляд. – Чтобы рецепторы во рту подольше жратву чувствовали. Обман такой для организма. Учись, пока я жив.

– А что ж ты, падла этакая, раньше-то молчал?! – я укоризненно покачал головой.

– Честно? – Леший виновато улыбнулся.

– По возможности.

– Представляешь, только сейчас вспомнил.

– Небось тот самый спец научил? – догадался я. – Ну, который между пивом и мочой особого различия не делал?

– Нет, не он, – Леший задумчиво уставился в пространство перед собой. Сидел он так около минуты, а затем очень печально произнес: – Знакомая у меня одна была... Еще до войны. Все худела, дурочка. Вот от нее и набрался.

– Красивая? – тоска друга сразу бросилась в глаза.

– Не то слово, – Андрюха тяжело вздохнул. – Моника Беллуччи, даже лучше.

– Да-а-а... – многозначительно протянул я, припоминая роскошные формы итальянской кинозвезды.

– Вот и я говорю... – поддержал меня подполковник и тут же, словно разрывая все связи с мучительно болезненным прошлым, стал быстро и жадно доедать содержимое консервной банки.

Воды мы выпили всего по глотку, резонно рассудив, что лучше будет промочить горло в середине дня. Затем Загребельный растоптал пустую консервную банку, тем самым превратив ее в слоеный жестяной блин. Его то он и забил в щель между стеной и привинченной к ней тумбочкой. Когда огарок свечи отправился в вещмешок, а со стола было содрано несколько капель воска, следов нашего пребывания в каюте не осталось. Леший поводил лучом фонарика по всем закуткам, удовлетворенно кивнул и шагнул в сторону двери.

– Потопали что ли? Нам еще веревку искать.

– Какую еще к дьяволу веревку?

– Толстую. Вы же танкисты весите до хрена, – буркнул подполковник, а затем уже более серьезно добавил: – Мы собираемся спускаться на землю-матушку или нет?

Ах, вот он о чем? Я вспомнил, что здоровенной кучи из бревен у борта судна больше нет и в помине. Значит, нам действительно потребуется какой-нибудь трос, канат или на худой конец просто кусок кабеля.

– Идем, – Андрюха открыл дверь и первый шагнул в темноту коридора.

Внутри корабля и впрямь царила темнота, наполненная жутковатой тишиной и полной неизвестностью. Правда, говорить о полной неизвестности было не совсем верно. Все-таки вчера мы здесь все основательно облазили, да и свет кое-какой пока имелся. Всего этого вполне хватало, чтобы уверенно продвигаться вперед, вернее вниз. Нам предстояло спуститься с предпоследнего яруса корабельной надстройки до уровня основной палубы. Вроде бы ничего сложного: всего пара крутых флотских трапов и столько же коридоров, в которые даже не требовалось соваться. Просто на секунду осветить для страховки и все.

Действуя по этой схеме, мы и спустились вниз. Оставалось лишь распахнуть наружную дверь и выбраться под открытое небо, но именно в этот момент Леший остановился как вкопанный.

– Что за херня такая? – прошипел он.

– Что там еще? – я глядел на желтоватое пятно света, застывшее в дальнем конце узкого коридора, и не замечал ничего необычного.

– Дверь в машинное отделение открыта, – шепотом пояснил чекист. – А я ее, между прочим, вчера собственноручно закрывал.

Цирк-зоопарк, это была чистейшая правда. Все помещения, которые подверглись осмотру вчера вечером, мы тща-

тельнейшим образом запирали. Во-первых, очень не хотелось, чтобы из открытого дверного проема выскочила какая-то хищная тварь, проникшая внутрь через разбитые иллюминаторы. Во-вторых, именно закрытые двери позволяли нам гулять по кораблю с зажженным фонарем и не опасаться, что этот свет будет замечен снаружи. Так мы рассудили вчера, но сегодня оказалось, что закрытые двери способны оказать нам еще одну неоценимую услугу, а именно предупредить о появлении чужого. А в том, что внутри корабля кто-то есть или, по крайней мере, побывал ночью, не оставалось ни малейшего сомнения. Тяжелая гермодверь с двумя запорными рычагами сама по себе не откроется, это уж как дважды два.

– Двигаем отсюда! – я держал на прицеле вход в машинное отделение.

– Думаешь, снаружи безопаснее? – в отличие от меня Загребельный направлял ствол своего «Грача» в сторону входной двери.

Прежде чем ответить я прислушался, причем не только к тишине мертвого железного мира, но и к своим собственным ощущениям и инстинктам. Не знаю почему, но к машинному отделению приближаться вовсе не хотелось, а тем более исследовать его при свете одного-единственного фонаря с уже основательно подсевшими батарейками. Лучше уж на палубу. Само собой я прекрасно понимал, что с одним стволом и пукалкой Загребельного серьезной атаки нам не отбить. Но

там хоть все будет ясно, там мы встанем лицом к лицу со своим неизвестным противником. Черт, а ведь красиво завернул, мерзавец! И все это лишь для того, что бы хоть чем-то мотивировать свой выбор.

– Выходим! – я попятился и локтем подтолкнул приятеля к выходу на палубу.

– Ладно, как говорится, фифти-фифти, – буркнул себе под нос чекист и рывком распахнул тяжелую гермодверь. Вслед за этим он высунул голову в дверной проем и быстро огляделся по сторонам. – Давай! Нет никого! – Показывая пример, Андрюха уверенно шагнул вперед.

– Эх ты, ФСБ... – разочарованно пробурчал я, выбираясь вслед за приятелем. – Мог бы хоть раз класс показать. Прыжок там... переворот, ствол налево, направо, а затем бодрый и четкий сигнал «Чисто!».

– Так ты говоришь, кино любишь? – задумчиво протянул Загребельный в то время, как сам сантиметр за сантиметром сканировал палубу.

– Ага, люблю, – подтвердил я, замерев с «калашом» наготове. – Особенно про шпионов, про тебя, значит.

– Здесь точно кто-то был, – Леший пропустил шутку мимо ушей.

– Откуда знаешь?

В багровых предрассветных сумерках и впрямь было сложно что-либо разглядеть. Все предметы выглядели плоскими, раскрашенными одинаковым чернильно-терракото-

вым камуфляжем. Так что обнаружить следы чужого мог только тот, кто был обучен этому делу, кто знал где искать, а главное что.

— Гляди, здесь около входа пыли совсем нет, будто смел кто, — демонстрируя свою правоту, Леший черкнул носком ботинка по настилу палубы.

Пыли? Я наклонился и присмотрелся к металлу под ногами. Андрюха оказался прав, на том месте, где мы сейчас стояли, зловредной вездесущей грязно-желтой пыли действительно не было и в помине. Вместе с ней исчезли и наши следы. Теперь их можно было различить разве что у спуска в трюм, да еще, наверняка, возле фальшборта, в том самом месте, где мы скрывались от чудовищной жидкой смерти.

Я и в самом деле покосился в ту сторону и тут же замер, потому как понял, что обнаружил второй точно такой же, неизвестно кем расчищенный участок. Но это оказался далеко не весь сюрприз. На металле палубы, как и на ограждении, отчетливо виднелись какие-то странные наплывы. Они отсвечивали тусклым жирным блеском и напоминали выделения гигантских кольчатых червей, плюющих кислотой. Эти твари в одно время серьезно доставали жителей Серпухова. И продолжалось данное безобразие ровно до тех пор, пока один хороший человек на своем БТРе не приволок им пару 23-миллиметровых ЗУшек.

— Похоже на смазку, — высказал свое мнение Загребельный, когда я указал ему на свою странную находку.

– Смазка? – вариант показался не намного лучше моего, и все потому, что с некоторых пор я с большим подозрением относился ко всяким там тягучим жидкостям из этого гребаного мира.

– В машинном отделении бочка солидола стояла. Может, это он самый и есть? – Андрюха привел новый аргумент.

– Нечего тут думать да гадать, давай посмотрим, – я сделал шаг вперед.

– Обязательно посмотрим, Максим, – Андрюха меня притормозил. – Только очень осторожно.

– Да я сама осторожность, ты же знаешь!

– Вот то-то и оно, что знаю, – подполковник ФСБ криво усмехнулся и своей здоровенной лапищей задвинул меня за свою широкую спину.

Именно в таком построении мы и двинулись вперед: Леший первый, я в шаге позади него. Пригибаясь, стараясь оставаться в тени палубного оборудования, мы осторожно подкрались к аномальному участку. Загребельный сразу же нагнулся и легонько мазнул темно-рыжую густую субстанцию рукой, растер ее на пальцах, понюхал и утвердительно кивнул:

– Точно солидол.

– Что за цирк-зоопарк?! – я перегнулся через фальшборт и поглядел вниз.

Новый день разгорался подозрительно медленно. Он словно сговорился с ночью и давал той последнюю возмож-

ность прибраться за собой, схоронить все тайны и секреты. И, похоже, эта мрачная леди таки многое успела. Никакой бочки со смазкой я внизу не разглядел, как и следов ее таинственного похитителя. Одни бревна, черт бы их побрал, да перекопанная ими пыль.

– Что ж, будем считать, что нам повезло, – Леший перебил мое желание пялиться за борт.

– В смысле?

– В том смысле, что кто-то приходил за смазкой, а вовсе не по наши души.

– Это конечно вдохновляет, – согласился я. – Знать бы только кто этот неизвестный ночной старатель и нахрена ему солидол?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.